
О. В. ПАНЧЕНКО

Поэтика уподоблений

(к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии)

...кому уподобляю сего праведника?..

Кирилл Туровский. Слово в неделю 3-ю по Пасхе.

Опубликованное нами в предыдущем томе «Трудов» «Похвальное слово русским преподобным» Сергия Шелонина¹ оказалось весьма продуктивной «моделью» для исследования одного из основных принципов древнерусской агиографии — принципа уподоблений. Суть этого принципа заключается в том, что при изображении каждого нового святого агиограф² (автор жития, похвального слова или канона) находит соответствующий «агиологический образец» среди великих подвижников древности, *по подобию* которого и изображает прославляемого им святого. При этом кроме «агиологического образца» автор избирает для своего героя также и его «библейский прототип».

§1(а). Понятие об «агиологическом образце» (агиотипе) и о двух способах уподобления

Приступая к работе, древнерусский агиограф обычно старался найти, кому из уже известных святых *подобен* его герой, искал для него ближайший «агиологический образец» (или *агиотип*),³ которому и *уподоблял* нового святого в соз-

¹ См.: Панченко О. В. Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 547—592.

² Слова «агиограф», «агиография», «агиографическое произведение» мы используем в этой статье в несколько расширительном значении, имея в виду не только житийную литературу, но и похвальные слова и службы святым (т. е. все основные жанры, посвященные прославлению святых).

³ Слово «агиотип» образовано из двух греческих слов: *ἅγιος* — «святой» и *ὁ τύπος* — «образец». Иными словами, *агиотипом* является известный *святой*, которого писатель избирает в качестве «образца» для изображения *другого святого*.

даваемом им агиографическом сочинении.⁴ Чаще всего таким «образцом» оказывался святой, тезоименитый прославленному святому,⁵ или же «чиноначальник», олицетворяющий общий с ним «чин» святости (например, Антоний Великий как начальник монашеского чина, Пахомий Великий как первый киновиарх, Иоанн Златоуст как образец святителя-исповедника, Димитрий Солунский как образец воина-мученика, Борис и Глеб как образцы русских святых князей и т. д.),⁶ или кто-либо другой из святых, подобный ему на основании одного из тех признаков, которые будут рассмотрены нами при анализе «Похвального слова русским преподобным» Сергия Шелонина.

В древнерусской агиографии «агиологический образец» был понятием не категориальным (святой монах, епископ, князь, женщина и т. п.),⁷ а, если воспользоваться выражением В. Н. Топорова, «конкретно-индивидуальным»:⁸

⁴ Подобным образом и иконописец ищет необходимые ему агиотипы среди образов древних святых. Ср. с наблюдениями Г. В. Маркелова, исследовавшего принципы древнерусского иконописания: «Одним из основных принципов описания персонажей в иконописных подлинниках было уподобление описываемого некоему образцу <...>. Следуя данному принципу, подлинник обязательно называет имя прототипа...» (Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. Материалы для иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). Т. 2. Святые Древней Руси в иконописных подлинниках. Свод описаний. СПб., 1998. С. 7—8).

⁵ О церковном понимании тезоименитства как духовного «средства со святым, чье имя носишь», о «подражании соименному святому» и о сходстве «общего пути жизни» с ним см.: Флоренский П., священник. Имена. М., 1993. С. 34—36.

⁶ Приведем еще несколько примеров святых, олицетворяющих различные «чины» святости в Восточной и в Русской церкви: Иоанн Креститель как образец пустынножителя, Иоанн Богослов как образец апостола, Николай Чудотворец как образец святителя, царь Константин и царица Елена как образцы святых равноапостольных правителей, первомученик Стефан как образец святого мученика, Георгий Победоносец как образец святого мученика-воина, Мария Египетская как образец преподобной, Алексей человек Божий как образец преподобного в миру, Андрей Юродивый как образец Христа ради юродивого, «три святителя» Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст как образец «соборности» отцов и учителей церкви, князь Владимир как образец русского равноапостольного князя, Михаил и Федор Черниговские как образцы русских князей-мучеников, митрополит Петр как образец святителя, Феодосий Печерский и Сергей Радонежский как образцы преподобнического «чина» в Русской земле, Петр и Феврония Муромские как образец благоверной супружеской пары и т. д. (см. таблицу 1). Службы некоторых из этих «чиноначальников» были положены в основу «типовых» служб Общей Минеи, используемых для прославления любого святого, относящегося к тому же «чину» святости. Образы «чиноначальников» могли служить агиотипами целых «чинов» святости, точно так же как и в ряду тезоименитых святых образы «первородных» служили агиотипами всего «именного типа»: например, Антоний Великий был «образом» и для Антония Печерского, и для Антония Сийского, и для Антония Дымского (об Иоанне Богослове как об образце апостола, о Георгии Победоносце, Димитрии Солунском и о первомученике Стефане как о «типовом образце» мученика, о Борисе и Глебе как об образце «русских апостолов и мучеников» см.: Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 11, 22, 26, 39, 42—43, 47, 81).

⁷ Ср. с западной агиографией: «Еще со времен античности тип интересовал людей больше, чем индивидуум как таковой. <...> Рассказчик создает типологию, специальный „тип“, где все мудро дозировано и согласуется с повествовательной своевременностью и социальной мотивировкой. Создается некая стилизация: аскета, монаха, епископа, дворянина, женщины...» (Грегар Р. Литературные и богословские модели в западной агиографии // Монастырская культура: Восток и Запад: Сб. статей / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 82—83).

⁸ См.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 667.

у него была своя биография, свои индивидуальные черты, наконец, свое имя (св. князь Владимир, св. мученики Борис и Глеб, преподобный Сергей Радонежский и т. д.).⁹ Совместить «индивидуальное» и «типичное» позволяло именно то обстоятельство, что агиотип являлся, так сказать, персонифицированной «моделью» святости или ее «воплощенным типом».¹⁰

При создании литературного образа нового святого агиологический образец служил (в сознании агиографа) промежуточным звеном между *святым* как «первообразом» и его *литературным воплощением* в агиографическом произведении.¹¹ Будучи «конкретно-индивидуальной» моделью святости, агиотип как бы «предлагал» собой уже готовую «форму» для последующего литературного изображения нового святого.

Найдя соответствующий «агиологический образец», писатель приступал к литературному воплощению образа своего героя, уподобляя его избранному агиотипу. Уподобление могло осуществляться двумя способами: 1) вербально — с помощью *сравнения*, развернутого сопоставления (*синкрисиса*) или приема перенесения имени (*translatio nominis*), и 2) невербально — через прием скрытого «замещения агиотипа» персонажем-«подобием» в агиографическом произведении, построенном по образцу некоего посвященного агиотипу «канонического текста». (Как правило, агиотип существует в сознании древнерусского писателя в единстве с посвященным ему «каноническим текстом» и иконным изображением.)

Древнерусские писатели чаще использовали второй (невербальный) способ скрытого «замещения». Они не просто избирали близкий герою «агиологический образец», но и заимствовали — в качестве «исходного текста» — некоторый посвященный ему «канонический текст», в котором последовательно «замещали» агиотип образом уподобленного ему русского святого (при этом чаще всего *не называя* имени избранного ими агиотипа).

Используя уже готовый текст-«образец» в качестве «матрицы» для своего сочинения, писатель «замещал» в нем и образы второстепенных персонажей их новыми «подобиями». В результате уподобление героя агиотипу дополнялось в

⁹ Ср.: «В православии преобладает традиционное, общее. Но это общее дано не в безликих схемах, а в живых личностях» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 28).

¹⁰ Это формулировка принадлежит В. Н. Топорову. Ср.: «...составители житий в наибольшей степени пренебрегали конкретной эмпирией (индивидуально-человеческим), завися от имеющих предшествующих, к другим святым относящихся образцов, которые в свою очередь составляют часть другой идеальной парадигмы, описывающей *воплощенные типы* святости» (Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 1. С. 744).

¹¹ Читатели житий (и авторы позднейших времен) воспринимали в качестве *первичного* именно «агиологический образ» святого, а не житийный текст. В святом они видели прежде всего целостный образ, *икону*, а затем уже *главное действующее лицо* агиографического произведения. Кажется, это же самое имеет в виду В. Н. Топоров, когда пишет о Феодосии Печерском: «Именно Феодосий образует центр текста и движущую силу всего нарративного механизма и определяемого им текстового слоя. В „Житии“ он дан крупным планом, как на поясной или лицевой *иконе*, а все его связи с „многим и разным“, вся пестрота жизни-жития образуют как бы рамку из многообразных клеев, в каждом из которых конкретный эпизод жизни, отдельное деяние хранит в себе отблеск света, исходящего от центрального образа...» (Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 1. С. 617).

создаваемом тексте системой «частных подобий». Так поступил, например, Епифаний Премудрый, автор Жития Стефана Пермского. Создавая житие пермского святителя, он избрал в качестве его агиотипа образ Авраамия Затворника, а в качестве связанного с агиотипом «текста-образца» — Повесть о святом Авраамии, написанную Ефремом Сириным.¹² Следуя композиции «исходного текста», он изобразил жизнь святителя Стефана среди язычников-зырян в связи с событийной канвой жизни его «агиологического образца»

Таким образом, наиболее распространенным способом уподобления в агиографическом произведении является «замещение» агиотипа его «подобием». Основными приемами другого — вербального — способа уподобления являются *сравнение*, «перенесение имени» (*translatio nominis*) и *синкрисис* (развернутое сопоставление). Первые два приема — сравнение¹³ и «перенесение имени» — служат простому уподоблению героя его агиотипу, без выявления степени различия между ними (как, например, в «Похвальном слове русским преподобным» уподоблен Иоанн Новгородский Георгию Арселаиту «Что же вторыи Арселаит — Иванны глаголю, преименованнаго Илью»).¹⁴

В то же время прием *синкрисиса*¹⁵ предполагает не только более или менее развернутое сопоставление героя с его агиотипом (или «библейским типом»), но и указание на некоторые различия между ними (как правило, подчеркивается превосходство героя по сравнению с его «образцом»).¹⁶ Прием синкрисиса

¹² Этот ранее неизвестный источник Жития Стефана Пермского установил Н И Соболев См Соболев Н И К вопросу о литературных источниках Жития Стефана Пермского // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 537—543

¹³ О сравнении в древнерусской литературе см Лихачев Д С Поэтика древнерусской литературы М, 1979 С 176—184, о сравнении с библейскими героями и с предшествующими святыми см St u r m G Zum Vergleich bei der Menschendarstellung in der altrussischen Literatur // Zeitschrift für Slawistik 1973 Bd 18 Nr 2 S 244—250 Ср также с мыслью В Н Топорова о сравнении в «Житии Авраамия Смоленского» как о «ключевой поэтической фигуре», без которого «тема подобию оказывается неразрешимой» «„ключевой“ характер ее зависит не от количества сравнений, а от той роли, которую они играют в организации самого текста, как бы воспроизводя на другом материале, другими средствами и на другом уровне изоморфную ей религиозно-богословскую конструкцию», создаваемую «инерцией этих сравнений-уподоблений вместе с другими фактами, подчеркивающими роль уподобления-подобия» (Т о п о р о в В Н Святость и святые в русской духовной культуре М, 1998 Т 2 С 124—125)

¹⁴ Прием *translatio nominis* используется в «Похвальном слове русским преподобным», как правило, при уподоблении персонажей «библейским образцам» «наш Авраам» (о Савватии Соловецком), «новый Моисей» (о Прохоре Лебеднике), «второй Фома» (о Стефане Пермском), «новый сей боговидец» (об Антонии Печерском)

¹⁵ О приеме синкрисиса см Rhetores graeci / Ed Ch Walz Stuttgart, Tübingen, 1832 Vol 1 S 86—93, 97—100, Lausberg H Handbuch der literarischen Rhetorik München, 1960 S 446, Viljamaa T Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period // Commentationes Humanarum Litterarum Helsinki, 1968 Vol 42 Nr 4 P 99, 114, Curtius E R European Literature and the Latin Middle Ages Princeton, 1967 P 161, 180, Фрайданк Д Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе Л 1987 С 224—228, Зеemann К Д Прием аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 105—120 (особенно с 108—110)

¹⁶ В качестве примера синкрисиса в древнерусском произведении исследователи (Г Штурм, Д Фрайданк) чаще всего приводят сопоставление великого князя Владимира с Константином Ве-

чаще всего используется в гимнографии и в жанре похвального слова, для которого он является обязательным.¹⁷

Приведем примеры агниотипов некоторых русских святых, выявленных исследователями древнерусской агиографии, эпидейктики и гимнографии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Агниотипы некоторых русских святых

Русский святой	Агниотип	Исследование
Борис и Глеб (Служба)	первомученик Стефан	Абрамович, с. 137, 141, 148
Александр Невский (Житие)	Алексей человек Божий	Серебрянский, с. 190
Довмонт Псковский (Житие)	Александр Невский	Охотникова, с. 143—155
Дмитрий Иванович (Слово)	Александр Невский	Ключевский, с. 169
Михаил Тверской (Житие)	Михаил Черниговский, князь Владимир, Борис и Глеб, Александр Невский, Димитрий Солунский	Серебрянский, с. 251—257
Меркурий Смоленский (Житие)	великомученик Меркурий	Кадлубовский, с. 69—81
Меркурий Смоленский (Служба)	великомученик Меркурий	Спасский, с. 233
Константин Муромский (Житие)	князь Владимир	Серебрянский, с. 241—242
Константин Муромский и чада его Михаил и Федор (Служба)	князь Владимир с сыновьями Борисом и Глебом	Спасский, с. 151
Андрей Боголюбский (Житие)	князь Владимир Борис и Глеб	Серебрянский, с. 143
Юрий Всеволодович (Житие)	Борис и Глеб	Серебрянский, с. 150
Константин и Василий Всеволодовичи (Житие)	Федор Ярославский	Серебрянский, с. 235
великий князь Георгий Всеволодович (Служба)	Иоанн Новый Белградский	Спасский, с. 145
князь Всеволод-Гавриил Псковский	князя Федор Ярославский, Александр Невский	Серебрянский, с. 215—217

ликим в «Слове о законе и благодати»: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне равнохристолубче, равночестителю служителем Его! <...> Он в еллинех и римлянех царство Богу покори, ты же в Руси, о блаженниче, — подобно. <...> Егоже убо подобниць сын, съ тем же единою славы и чести обещаика сътворишь ты Господь...» (Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 48—50). Готтфрид Штурм приводит еще один пример синкрисиса, в котором герой сопоставлен с «библейскими типами» (см.: St u r m G. Zum Vergleich... S. 247): «Кому уподоблю великаго сего князя, рускаго царя?.. Ангела ли ты нареку?.. Человека ли?.. Пръвозданнаго (т. е. Адама — О. П.) ли ты нареку?.. Сифа ли ты нареку?.. Еноху ли ты уподоблю?.. Ноя ли ты именую?.. Евера ли ты нареку?.. Авраму ли ты уподоблю?.. Исаака ли ты въсхваляю?.. Израйля ли ты възглаголю?.. Иосифа ли ты явлю целомудренаго?.. Моисея ли ты именую?..» (правда, большая часть этого сопоставления нами для краткости опущена), см.: Слово о житии великаго князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. Т. 6. XIV—середины XV века. СПб., 1999. С. 224—226.

¹⁷ См.: P a u r T h . Enkomion // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1960. Vol. 5. S. 332—343. Традиция завершения похвального слова *синкрисисом* была разработана еще в античной риторике (см. главу об энкомии в «Прогимнасматах» Афтония: *Rhetores graeci*. Vol. 1. S. 86—93). Эта традиция сохранилась также в сочинениях отцов церкви, написанных в жанре похвального слова (см.: K e n n e d y G. A. Greek Rhetoric under Christian Emperors. Princeton, 1983. P. 63, 229—236, 249), из которых была усвоена славянскими писателями (см.: A l i s s a n d r a t o s J. Medieval Slavic and Patristic Eulogies. Firenze, 1982. P. 7, 23, 108).

Продолжение таблицы 1

князя Василий и Константин Ярославские (Житие)	князь Федор Ярославский	Ключевский, с 175—177
благодарные князя Владимир и Агриппина Ржевские (Служба)	благодарные князя Петр и Феврония Муромские	Спасский, с 163
епископ Арсений Тверской (Служба)	святители Савва и Арсений Сербские	Спасский, с 172
епископ Игнатий Ростовский (Служба)	митрополит Петр	Спасский, с 168
епископ Стефан Пермский (Житие)	Авраамий Затворник, Мелетий Антиохийский, Григорий Чудотворец	Соболев, с 538
митрополит Филипп (Житие и Слово на перенесение мощей)	святитель Иоанн Златоуст	Сапожникова, с 342—357
Авраамий Смоленский (Житие)	Авраамий Затворник	Топоров, с 73—78
Авраамий Ростовский (Житие)	Авраамий Затворник, Авраамий Чухломской, Иоанн Новгородский, Никола Кочанов	Кадлубовский, с 12—43, Ключевский, с 281, Дмитриев, с 154—155
Авраамий Ростовский (Служба)	Сергий Радонежский	Спасский, с 171
Авраамий Чухломской (Житие)	Савва Освященный	Розанов, с 232—234
Феодосий Печерский (Житие)	Савва Освященный	Шахматов, с 4—20
Сергий Радонежский (Житие)	Феодор Едесский	Яблонский, с 277—279
Феодосий Печерский (Служба)	Феодосий Великий	Спасский, с 81
Сергий Радонежский (Служба)	Феодосий Великий, Антоний Великий, Савва Сербский	Спасский, с 107
Димитрий Прилуцкий (2-я ред Жития)	Димитрий Солунский	Украинская, с 260
Димитрий Прилуцкий (Служба)	Сергий Радонежский	Спасский, с 189
Павел Обнорский (Служба)	Сергий Радонежский и Димитрий Прилуцкий	Спасский, с 191
Авраамий Чухломской (Житие)	Павел Обнорский	Ключевский, с 276
Макарий Калязинский (Служба)	Сергий Радонежский и Павел Обнорский	Спасский, с 192
Евфимий Суздальский (Служба)	Сергий Радонежский	Спасский, с 195
Григорий Пелшемский (Житие)	Димитрий Прилуцкий	Ключевский, с 197
Григорий Пелшемский (Служба)	Сергий Радонежский	Спасский, с 195
Дионисий Глушицкий (Служба)	Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Феодосий Печерский	Спасский, с 196, Макарий, с 44
Александр Свирский (Житие)	Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Феодосий Печерский, Пахомий Великий	Яхонтов, с 37—87, Пигин, Запольская, с 1—12
Александр Свирский (Служба)	Афанасий Афонский, Сергий Радонежский, Варлаам Хутынский	Спасский, с 197
Александр Ошевенский (Житие)	Александр Свирский (а также Сергий Радонежский и Кирилл Белозерский)	Яхонтов, с 88—110
Антоний Римлянин (Служба)	Сергий Радонежский и Антоний Печерский	Спасский, с 208
Антоний Сийский (Житие)	Александр Свирский, Александр Ошевенский, Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский	Яхонтов, с 110—114

Окончание таблицы 1

Антоний Сийский (Служба)	Антоний Печерский	Спасский, с 210
Нил Столбенский (Житие)	Авраамий Затворник	Кадлубовский, с 12—43
Нил Столбенский (Служба)	Сергий Радонежский и Савва Вишерский	Спасский, с 214
Ефрем Перекомский (Житие)	Александр Свирский, Савва Вишерский	Ключевский, с 263, Федотова, с 152—159
Ефрем Перекомский (Служба)	Савва Вишерский	Макарий, с 45, Спасский, с 193, 215
Герасим Болдинский (Житие)	Герасим Иорданский	Кадлубовский, с 284—294
Иоасаф Каменский (Житие)	Евфросин Псковский	Ключевский, с 275
Иосиф Волоцкий (Служба)	Димитрий Прилуцкий	Спасский, с 212
Кирилл Новозерский (Служба)	Кирилл Белозерский, Зосима и Савватий	Спасский, с 218, Карбасова, с 1—12
Савва Крыпецкий (Житие, ред Вассилия-Варлаама) ¹⁸	Варлаам Хутынский	Серебрянский 2, с 164—165, 570—571
Никандр Псковский (2-я ред Жития)	Феодосий Печерский	Серебрянский 2, с 183—188
юродивый Иоанн Устюжский (Служба)	юродивый Симеон Эмесский и его друг Иоанн	Макарий, с 45
юродивый Максим Московский (Служба)	юродивый Иоанн Устюжский	Макарий, с 44

Список сокращений к табл. 1 Абрамович — Абрамович Д И Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им Пг, 1916, Дмитриев — Дмитриев Л А Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв Л, 1973, Кадлубовский — Кадлубовский А П Очерки по истории древнерусской литературы житий святых Варшава, 1902, Карбасова — Карбасова Т Б Службы преподобному Кириллу Новозерскому // Опыт по источниковедению Древнерусская книжность Вып 5 (в печати), Ключевский — Ключевский В О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871, Макарий — Макарий (Булгаков) История Русской Церкви М, 1996 Кн 4, ч 2 Т 8 С 44—45, Охотникова — Охотникова В И Повесть о Довмонте Исследование и тексты Л, 1985, Пигин, Запольская — Пигин А В, Запольская К М К вопросу об источниках Жития Александра Свирского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех») // ТОДРЛ Т 55 (в печати), Розанов — Розанов С П Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галичско-Городецкого-Чухломского // РФВ 1912 №3 С 232—234, Сапожникова — Сапожникова О С Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси Севернорусские монастыри СПб, 2001 С 342—358, Серебрянский — Серебрянский Н Древнерусские княжеские жития М, 1915, Серебрянский 2 — Серебрянский Н И Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле М, 1908, Соболев — Соболев Н И К вопросу о литературных источниках Жития Стефана Пермского // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 537—543, Спасский — Спасский Ф Г Русское литургическое творчество (по современным минеям) Париж, 1951, Топоров — Топоров В Н Святость и святые в русской духовной культуре М, 1998 Т 2, Украинская — Украинская Т Н Житие Димитрия Прилуцкого // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 259—262, Федотова — Федотова М А К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси Севернорусские монастыри СПб, 2001 С 152—160, Шахматов — Шахматов А А Несколько слов о Несторовом

¹⁸ К использованию агиотипов особенно часто прибегали авторы позднейших редакций житий, осуществлявшие их «литературную» обработку Ср с наблюдением Г П Федотова «Писатель-художник или преданный ученик святого < > умеют тонкой кистью, скупю, но точно дать несколько личных черт Писатель поздний или добросовестный труженик работают по „лицевым подлинникам“ » (Федотов Г П Святые Древней Руси С 30)

жити Феодосия // СОРЯС 1896 Т 64 № 1 С 1—20, Яблонский — Яблонский В Пахомий Серб и его агиографические писания СПб, 1908, Яхонтов — Яхонтов И И Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник Казань, 1881

Как показывает исследование Ф. Г. Спасского,¹⁹ частично отраженное в настоящей таблице, составители большинства служб русским преподобным избрали в качестве агиотипа образ Сергия Радонежского (что вполне согласуется с древней монастырской записью о кончине преподобного Сергия, в которой он назван «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси»²⁰

§1(б). Тема уподобления в святоотеческой письменности (краткий экскурс)

Уподобление одного святого другому является не только одним из основных принципов агиографического творчества, но и отражает некоторые фундаментальные принципы духовной жизни вообще. Согласно учению Церкви, человек, созданный «по образу и подобию Божию» (κατ' εἰκόνα... καὶ κατ' ὁμοίωσιν) (Быт. 1: 26) и утративший «подобие» при грехопадении, призван вновь «уподобиться» Богу.²¹ Однако, как говорит Дионисий Ареопагит, «Бог как таковой ничему не подобен, но Он дарует Божье подобие обращающимся к Нему, чтобы они по мере сил подражали Сущему выше всякого предела и слова. <...> Такое и следует называть подобным Богу (ὁμοία Θεῷ) и сущим „по божественному образу и подобию“».²²

Как поясняет эти слова Максим Исповедник, «подражание, о котором здесь идет речь, можно понять как обращение к Богу мыслящей и разумной природы, в соответствии со сказанным: „*Будьте совершенны*“ (Мф. 5: 48) и „*будьте милосерды, как и Отец ваш небесный*“ (Лк. 6: 36), что по-настоящему <...> свойственно Богу, а тварям — по мере сил и соответственно их природе».²³ Также и

¹⁹ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям) Париж, 1951

²⁰ Эту запись приводит в своей статье о преп. Сергии о Павел Флоренский (см. Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Сост. В. В. Колесов. М., 1991. С. 285)

²¹ О том, что тема «уподобления» была важна для Сергия Шелонина, свидетельствует выписка, сделанная его рукой, сохранившаяся в одной из соловецких рукописей «Многоименна же душа, глаголет бо ся < > „образ Божий“, яко еже по образу Божию сотвори того. Являет же еже убо по образу — еже умное и самовластное, а еже по подобию — добродѣтельное, поелику мощию уподобление» («Из Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского слово 2, стих 14 и слово 8, стих 19») — РНБ, Соловецкое собр., № 870/890, л. 105—105 об. Источником этого места в толкованиях Никиты Ираклийского послужило, по-видимому, «Богословие» Иоанна Дамаскина Ср. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1992. С. 49

²² Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Тексты / Перевод с древнегреч. СПб., 1994. С. 283—285. По словам Дионисия Ареопагита, Бог является «субстанцией подобных и подобия», и в то же время он «Неподобный всем», потому что «нет Ему подобного» (Там же. С. 273)

²³ Выражение же «по образу и подобию», продолжает Максим Исповедник, следует понимать таким образом, что «речь идет не о виде, но об обращенности и устремленности ума к Богу» (Там же. С. 283—285)

св. Иоанн Синайский говорит в 30-м слове «Лествицы» о том, что «любовь по качеству своему есть *уподобление Богу*, сколько того люди могут достигнуть...». ²⁴

Достичь же в своей жизни уподобления Богу *в совершенстве, милосердии и любви*, как было сказано, человек может только «по мере сил» и «соответственно своей природе». Иначе говоря, возможно лишь *слабое и несходное* уподобление человека своему Творцу, ибо, по словам Дионисия Ареопагита, подобными могут быть только «*учиненные одинаково*» (ὁμοταχοί), т. е. «принадлежащие одному и тому же чину и обладающие одной сущностью». ²⁵ Поэтому и человек может достичь святости прежде всего через уподобление совершенному человеку, точнее — Христу, ставшему для этого человеком, ²⁶ или одному из Его святых, в котором запечатлен «лик Христов». ²⁷

Из сказанного становится понятным, сколь важное значение имел для подвижника избранный им для подражания «агиологический образец». ²⁸ Подра-

²⁴ Лествица Иоанна игумена Синайской горы Сергиева лавра, 1898 С 246

²⁵ Дионисий Ареопагит О божественных именах С 283—285 К таким же слабым и несходным подобиям относится и уподобление человека ангелам, у которых, по словам Симеона Солунского, «нет никаких пристрастий, но одна, приспосабливаемая самоотвержения, любовь» (Сочинения блаженного Симеона архиепископа Фессалоникийского М., 1994 С 38)

²⁶ О «подражании» святому Христу или кому-то из святых мы можем говорить как об отражении в агиографическом произведении основной духовной устремленности подвижника в реальной жизни (его сознательного следования путем избранного им «образца») «Уподобление» святому в реальной жизни является, по-видимому, *результатом* «подражания», достижением святым той же духовной структуры, которую имеет избранный им «образец» В то же время в агиографическом произведении «уподобление агиотипу» осуществляет автор жития, представляя святого сразу во всей целостности его духовной структуры, «изоморфной» духовной структуре его «агиологического образца»

²⁷ С «уподоблением» человека Христу, с осуществлением в нем «подобия Божия» связана, по-видимому, и внутренняя форма церковнославянского слова «*преподобный*» (о чем пишет, например, св. Игнатий Брянчанинов, характеризуя *преподобие* как «нравственное состояние, наиболее сходственное с тем, которое явил собой Господь наш Иисус Христос» (Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери / Сост. св. Игнатием Брянчаниновым СПб., 1990 С 19) Этимологизацию «внутренней формы» слова «*преподобный*» предлагает В. Н. Топоров, который обращает внимание на то, что ряд однокоренных слов *преподобный подобный съподобити ся* обладает «характернейшим семантическим соседством „подобия“ и „доброга“ (по-доб-ие) и предполагаемым направлением *уподобления* добруму, *подражанием* именно ему» (см. Топоров В. Н. Святость и святые Т. I С 800) Эту же тему ученый развивает и в других главах своей книги, говоря, в частности, о том, что Феодосий Печерский «пошел во след Христу < > и успел в *подражании* ему настолько, что именовался *преподобным*, т. е. в *наибольшей степени подобным Христу* » (Там же Т. I С 683), то же — в главе об Авраамии Смоленском «*преподобный*, ἅγιος как особый тип святости, предполагающий *следование Христу*, в идеальном приближении — *подобный Ему* » (Там же Т. 2 С 124) Сходно с этим и суждение исследователя истории древнерусского языка А. С. Львова, который отмечает, что «в естественном языке того диалекта, на который переводились впервые греческие церковные книги, существовали *подобити ся* и *подобный*» Переводчики, присоединяя к последнему приставку прѣ-, образовали *прѣподобный* для передачи греч. βίος » (Львов А. С. Письмо в редакцию // ВЯ 1978 № 3 С 149—150)

²⁸ «В христианской традиции подражание — одно из ключевых понятий, обозначающее такую ориентацию на некий высокий образец, которая обязывает подчинять все свое поведение избранному образцу < > „Подражание“ в словаре христианской религиозной практики и аскетики —

жая этому «образцу» — чаще всего своему наставнику,²⁹ или тезоименитому святому,³⁰ или кому-либо другому из святых,³¹ подвижник невольно уподоблялся духовному типу избранного им «образца».³² Кажется, именно об этом —

<...> строго ограниченное понятие, *terminus technicus*, обозначающий принимаемый на себя обет, который является одним из распространенных видов послушания (высший из них — *Imitatio Christi*). Идеальный вариант подражания — <...> постоянная и живая память и — даже точнее — воспоминание-припоминание этого образа, позволяющее подражающему вести себя как подражаемый, в духе его, но применительно к новым обстоятельствам, и, следовательно, воплотить во времени сем и продолжить духовный опыт подражания, несмотря на дистанцию, разделяющую обоих участников акта мимесиса, связав тем самым вчера и сегодня и — потенциально — завтра...» (Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 2. С. 73—74).

²⁹ Ср.: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, *подражайте* вере их» (Евр. 13: 7—8); «Будем же мы, верующие, воздавать почитание святым <...> и через подражание их добродетелям сами сделаемся *одушевленными их памятниками и изображениями*» (Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. С. 142).

³⁰ О «следовании» путем тезоименитого святого см. целый ряд замечаний в книге В. Н. Топорова: «Дух подобия, в частности, в русской христианской традиции определял столь многое, начиная с именнаяречения, как бы открывающего возможность *следования-уподобления*, выбора в качестве образца для подражания одного из соименных святых...» (Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 2. С. 125). Там же — о тезоименности Феодосия Печерского киновиарху Феодосию Иерусалимскому и Антония Печерского — великому египетскому святому, как бы предопределившей путь каждого из них: «Нужно думать, что выбор имени „Феодосий“ обязывал к *следованию* другому святому с тем же именем, к *подражанию* его жизни и деяниям», и далее — об Антонии: «тождество имен как бы предопределило „отшельническую“ жизнь печерского Антония» (Там же. Т. 1. С. 799). О внимании древнерусских агнографов и гимнографов к этимологическому значению имени см.: Keipert H. Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986 / Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg, 1988. S. 100—132; Дробленкова Н. Ф. К поэтике имен в древнерусской литературе // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 73—80; Ромодановская Е. К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 3—8; а также два очерка по «ономатологии» — о Павла Флоренского (Флоренский П., священник. Имена) и прот. Сергия Булгакова (Булгаков С., прот. Философия имени. Париж, 1953).

³¹ «Самое характерное в древнерусской религиозности — это то, что не сама система, а духовный пример носителей этой системы играет главную роль; древнерусский человек в своем христианском мире живет всегда в окружении этих примеров и образов — *икон и святых*, которые оживляют религиозную систему (догматы и веру) и ведут его к истинно религиозной жизни; эти образы говорят ему, что всякому человеку открыт путь к такой жизни по примеру прославленных святых подвижников» (Смолич И. К. Русское монашество. М., 1997. С. 49). Ср. с замечанием В. Н. Топорова о «вращивании духа» св. Сергия через уподобление его иконам Богородицы Одигитрии и св. Николая Чудотворца: «Можно думать, что, имея при себе эти иконы в течение нескольких десятилетий <...>, подолгу и ежедневно молясь перед ними, внутренне беседуя с ними и входя в отношения со-причастия <...>, Сергей на своем пути к Богу не мог не впитывать те духовные токи, которые исходили от этих образов, не усваивать себе лучшее и главное из того, чем они располагали. Иконы учили, воспитывали, вращивали дух Сергия, *уподобляли* его — в определенном смысле — *тончайшему в духовной структуре* этих образов, которым, по меньшей мере подсознательно, подражал преподобный» (Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 2. С. 671—672).

³² Вот что пишет об этом В. Н. Топоров: «Подражающее и подражаемое предполагают не просто наличие некоей связи между ними по некоему принципу, но сознательно выбранное подражающим как свой духовный путь *уподобление* подражаемому, во-первых, и, во-вторых, уподобление не тварному, не твари, но Творцу. И такое уподобление имеет своей причиной и следствием

об уподоблении через подражание житиям святых — говорится в известном письме Василия Великого Григорию Богослову о монашеской жизни: «...Жития блаженных мужей, представленные в письменах, подобно каким-то одушевленным картинам жизни по Богу, предлагаются нам для подражания добрым делам <...> Любитель целомудрия часто перечитывает историю об Иосифе, у него учится целомудренным поступкам, находя его не только воздерживающимся от удовольствий, но по навыку расположенным к добродетели А мужеству обучается у Иова <.. >. И как живописцы, когда пишут картину с картины, часто *всматриваясь в подлинник*, стараются черты его перенести в свое произведение, так и возревновавший о том, чтобы соделаться совершенным во всех частях добродетели, должен при всяком случае *всматриваться в жития святых*, как бы в движущиеся и действующие какие изваяния, и что в них доброго, то *через подражание делать своим*...».³³

Пожалуй, приведенной цитатой мы можем ограничить свой краткий экскурс в область святоотеческой письменности, поскольку вовсе не богословский аспект темы уподоблений является предметом настоящей статьи. В ней мы рассматриваем прежде всего *поэтику* уподоблений, т. е. приемы уподобления литературных персонажей их «агиологическим образцам» («типам»), свойственные определенному литературному методу, который может быть назван «типологическим». Тем не менее благодаря этому краткому экскурсу мы могли убедиться в том, что литературный метод уподобления «агиологическим образцам» отражает собой многовековой духовный опыт христианской антропологии.

сообразность человека Богу < > „Откровение говорит нам, что человек был создан по образу и подобию Божию. Все отцы Церкви, как восточные, так и западные, видят в самом факте сотворения человека по образу и подобию Бога превечную *соустроенность*, первоначальную *согласованность* между существом человеческим и существом Божественным“ < > Но речь может идти о несколько иной „соустроенности-согласованности“ человека — другому человеку, который *более*, чем данный, < > соустроен и согласован Богу, и уже через него — и самому Богу» (Топоров В Н. Святость и святые Т 2 С 75). Близкие к высказанным здесь идеи содержатся в статьях Ричарда Поупа (Поуп Р. О характере и степени влияния византийской литературы на оригинальную литературу южных и восточных славян // дискуссия и методология // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists Warsaw, 1973 Vol 2 Literature and Folklore The Hague, Paris, 1973 P 469—493) и М Б Плюхановой (см. Плюханова М Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Учен зап Тартуского гос ун-та Вып 683 Труды по русской и славянской филологии Тарту, 1986 С 122—133). В статье Р Поупа говорится, в частности, об усилиях как со стороны святого, так и со стороны агиографа «сблизить житие святого с жизнью Иисуса Христа и с жизнью предыдущих святых» (Поуп Р. О характере С 474). М Б Плюханова также говорит о «святости как о соответствии образцу (т. е. другому великому подвижнику)» и о том, что выбор святым образца «указывает также и на образец для агиографа» (Плюханова М Б. К проблеме генезиса С 123). Ср. последнюю мысль с замечанием В Н Топорова о том, что составитель «Жития» Авраамия Смоленского Ефрем Сирий *хорошо знал*, какой образец для подражания выбрал для себя святой и, «работая над „Житием“, помнил об этом и не раз прикладывал к смоленскому преподающему мерку преподающего Авраамия Затворника из Эдессы» (Топоров В Н. Святость и святые Т 2 С 75).

³³ Василий Великий. Письмо к Григорию Богослову // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. 3-е изд. М., 1892. Ч. 6. С. 11—12. Послание Василия Великого «о мнишествем строении» обычно переписывалось в составе книги «О постничестве» Василия Великого, а также включалось иноками в сборники для келейного чтения.

§2. Библейские образцы и уподобление библейским типам

Наряду с поиском для своего героя «агиологического образца» средневековый писатель, как правило, старался найти для него еще один «образец», источником которого служила Библия. Это стремление было связано с особым складом мышления, которое может быть названо «типологическим». Мысль писателя была устремлена, по выражению К. К. Ацентьева, «не к ближайшей причинно-следственной связи вещей, на которой сосредоточена мысль мирская, а к связи более отдаленной и глубокой, *прообразовательной*, соединяющей все события мировой истории в одну неразрывную цепь прототипов и подобий <...>, к той связи, которая раскрывает высший смысл происходящего как исполнения предвечного замысла Творца».³⁴ Формированию этого типа мышления способствовала в первую очередь символика православного богослужения, литургические образы которого соотносят события земной жизни Христа с их «прообразами» в Ветхом Завете.³⁵

Поэтому древнерусский писатель (особенно автор канона или похвального слова), как правило, стремился найти для своего героя не только его ближайший «агиологический образец», но и соответствующий «библейский тип», которому также уподоблял прославляемого им святого. Уподобление такого рода вовсе не превращало образ русского святого в слабую «тень» библейского «образца», но служило особым способом изображения его «агиологического портрета», как бы изначально заданного в замысле Творца. Это уподобление свидетельствовало о том, что, пребывая в историческом времени, святой осуществил свое призвание, воплотил заложенный в нем архетип, «прообразованный» — в перспективе Священной истории — определенным библейским «типом».

Глубокая интерпретация значения библейских типов в житиях русских святых содержится в работах В. Н. Топорова, который видит их основную функцию в том, что с их помощью «пространство и время» житийного текста включается «в сакрализованное пространство Священной истории».³⁶

³⁴ Ацентьев К. К. От издателя // Богослужение Православной Церкви Вып. 1 Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа СПб., 1993 С. 82—83 См. также Ацентьев К. К. Мозаики киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Литургия, архитектура и искусство византийского мира Труды XVIII Международного конгресса византистов (Москва, 8—15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о Иоанна Мейендорфа / Под ред. К. К. Ацентьева СПб., 1995 С. 75—94 (Византинороссика Т. 1)

³⁵ О литургическом символизме см. Красносельцев Н. Ф. О древних литургических толкованиях // Летопись Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете IV Византийское отделение II Одесса, 1894 С. 178—257, Schulz H.-J. Die byzantinische Liturgie Glaubenszeugnis und Symbolgestalt 2. Auflage (Sophia, 5) Trier, 1980 S. 118—130 (пользуюсь случаем поблагодарить К. К. Ацентьева, указавшего мне на эти и ряд других работ, посвященных толкованию литургических символов)

³⁶ Непосредственным поводом для включения библейских персонажей в агиографический текст, по словам В. Н. Топорова, «оказывается то, что „въ странѣ сей“, т. е. в нашей земле и в наши дни, явился праведник „въяиши пръвыхъ отьць“, который своим подражанием совершил прорыв в Священную историю, приобщив к ней тем самым нашу землю и наше время» Благодаря библейским образам в каждом конкретном житии создается общая пространственно-временная «рамка», включающая в себе «все пространство и время, в которых разворачивается Священная история» Не

Используя уподобление библейскому «образцу», агиограф как бы вводит своего героя в контекст Священной истории, в пространство *sub specie aeternitatis*,³⁷ помещая его в единый «агиологический ряд» с подобными ему святыми, первым из которых оказывается его библейский «прототип». Таким образом, уподобление библейскому «образцу» становится своеобразным ключом к пониманию агиологической сущности святого.³⁸

Принцип соотнесения русских святых с их библейскими образцами был исследован Б. А. Успенским в книге, посвященной св. князьям Борису и Глебу.³⁹ Б. А. Успенский убедительно показал, что история Бориса и Глеба в богослужебной практике Древней Руси непосредственно соотносилась с библейским рассказом о Каине и Авеле, а сами святые князья уподоблялись как ветхозаветному Авелю, так и новозаветному первомученику Стефану. В сознании древнерусского человека, пишет Б. А. Успенский, Библия служила «моделью восприятия мира», «задавала парадигму его прочтения», в которой все «происходящие или произошедшие события воспринимались как значимые постольку, поскольку они соотносились с сакральными образцами — прежде всего с библейскими событиями».⁴⁰

В литературоведении метод библейской *типологии* был использован в исследованиях целого ряда ученых-медиевистов,⁴¹ среди которых особо выделяются работы Фридриха Оли.⁴² Как указывает Ф. Оли, изначальный богословский смысл этого метода был связан с соотнесением двух библейских лиц или событий (называемых соответственно *типом* и *антитипом*), одно из которых

являясь носителями действия и не выступая в качестве *personae dramatis*, библейские персонажи в то же время выступают «как некие ориентиры в духовном пространстве текста, как своего рода кванторы соединения («включения») происходящего *hic et nunc* с тем, что было в Священной истории < > и, следовательно, как способ подлинного глубинного истолкования описываемых событий» (То по ров В Н Святость и святые Т I С 618—619)

³⁷ Ср с мыслью М М Бахтина « житие святого как бы с самого начала протекает в вечности» (Бахтин М М Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М М Эстетика словесного творчества М, 1979 С 161)

³⁸ Ср Грегуар Р Литературные и богословские модели С 84

³⁹ Успенский Б А Борис и Глеб

⁴⁰ Там же С 5

⁴¹ См Ohly F 1) *Schriften zur mittelalterlichen Bedeutungsforschung* Darmstadt, 1977, 2) *Typologie als Denkform der Geschichtsbetrachtung // Typologie Internationale Beiträge zur Poetik / V Bohn (Hg) Frankfurt am Main, 1988 S 22—63, F rye N Typologie als Denkweise und rhetorische Figur // Ibid S 64—96, Зеemann К Д Прием аллегорической экзегезы С 105—120, особенно с 114—118, Акентьев К К Мозаики киевской св Софии С 75—94, Сендерович С 1) Св Владимир к мифопоэзису // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 49 С 300—313, 2) Слово о законе и благодати как экзегетический текст Иларион Киевский и павлианская теология // ТОДРЛ СПб, 1999 Т 51 С 43—57, Водолазкин Е Г Всемирная история в литературе Древней Руси (На материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков) Мюнхен, 2000 С 100—123, 311—314*

⁴² Ohly F 1) *Schriften zur mittelalterlichen Bedeutungsforschung*, 2) *Skizzen zur Typologie im späteren Mittelalter // Medium Aevum deutsch Beiträge zur deutschen Literatur des hohen und späten Mittelalters Festschrift Kurt Ruh zum 65 Geburtstag Tübingen, 1979 S 251—310*, 3) *Typologische Figuren aus Natur und Mythos // Haug W (Hg) Formen und Funktionen der Allegorie Symposium Wolfenbüttel 1978 Stuttgart, 1979 S 126—166*, 4) *Typologie als Denkform S 22—63*

принадлежит Ветхому, а другое — Новому Завету, между которыми существуют отношения «прообраза» (в Ветхом Завете) и его «исполнения» (в Новом Завете). Примерами типа и антитипа являются, например, жертвоприношение Исаака — и крестная жертва Христа; переход иудеев через Красное море — и Крещение Христа в Иордане⁴³

Тип и антитип, согласно Ф. Оли, принадлежат к разряду понятий «соотносительных». Главной чертой их является соотнесенность друг с другом: тип имеет смысл только в отношении к антитипу, и наоборот. Сущностью этого соотнесения является *подобие* типа антитипу, которое заключается уже в самом значении этих слов: *τύπος* как «форма для чеканки» и *ἀντίτυπον* как «отпечаток, чеканка».⁴⁴ Использование понятия «тип» в христианской экзегезе, как отмечают исследователи, восходит к Христу и апостолу Павлу, «обозначившему Адама как *τύπος* Христа (Рим. 5: 14), а иудеев в пустыне — как *τύποι* (в смысле предупреждения) для христиан (1 Кор. 10: 6)»⁴⁵

Метод типологической интерпретации Библии, который присутствует уже в книгах Нового Завета, был разработан александрийской школой богословия и прежде всего — в сочинениях ее самого яркого представителя Оригена (II—III в. н. э.).⁴⁶ Начиная с Оригена, в христианской культуре установилась традиция «типологического» («прообразовательного») истолкования разновременных событий мировой истории.⁴⁷ Общий принцип библейской «типологии» может быть охарактеризован следующим образом: в Ветхом Завете скрыт Новый Завет, а в Новом Завете раскрывается Ветхий Завет. То, что происходит в Новом Завете, представляет собой антитип, осуществленную форму того, что было прообразовано в Ветхом Завете.⁴⁸ «Типологическое» мышление является христоцентричным: все историческое время — от момента Творения до Страш-

⁴³ Ohly F. Typologie als Denkform S 22

⁴⁴ Ср «τύπτω — бить, ударять, поражать, ὁ τύπος — 1 удар, 2 [знак от удара] тиснение отпечаток, чеканка, рельеф, изваяние, 3 форма, (перво)образ (ср типология, типография)» (Древнегреческо-русский учебный словарь Русская версия А К Гаврилова СПб, 1997 С 89) Другими метафорами, используемыми для характеристики соответствия между «типом» и «антитипом», являются отношения между тенью и телом (Кол 2 17, ср Евр 10 1), между детством и зрелостью, между проекцией и объемным изображением (см Ohly F. Typologie als Denkform S 23)

⁴⁵ Водозакин Е Г. Всемирная история С 100 Например, в Евангелии от Иоанна (Ин 3 14) Христос типологически соотносит свое грядущее распятие с его ветхозаветным «прообразом» — вознесением на древо медного змия пророком Моисеем (Чис 21 9) В Первом послании апостола Петра также говорится о спасении Ноя во дни потопа (1 Пет 3 20—21) как о ветхозаветном «прообразе» крещения христиан См Ohly F. Typologie als Denkform S 28, Frye N. Typologie als Denkweise S 65

⁴⁶ См его сочинение «О началах» (Περὶ ἀρχῶν De principiis) в русском переводе Н Петрова в кн О началах, сочинение Оригена учителя Александрийского (III в.) Рига, 1936 С 265—328 (особенно Книгу четвертую — «О боговдохновенности Св Писания и о том, как должно читать и понимать его, какова причина неясности в нем, а также невозможного или бессмысленного по букве в некоторых местах Писания»)

⁴⁷ См об этом, например, в кн Аверинцев С С. Поэтика ранневизантийской литературы М, 1977 С 84—108 (глава «Порядок космоса и порядок истории»)

⁴⁸ См Frye N. Typologie als Denkweise S 65

ного Суда — делится в нем на два периода: до Христа и после Христа. Время до Христа является временем типов, время же после рождения Христа — временем анти типов.⁴⁹

По определению того же Ф. Оли, типами могут быть *лица* (например, Моисей или Давид), *события* (например, переход израильтян через Красное море), *действия* (например, строительство храма Соломона — «прообраза» Церкви Христовой) или *традиции* Ветхого Завета (например, культ храма у древних иудеев, анти типически отразившийся в церковной литургии у христиан), смысл которых находит свое завершение среди лиц и событий Нового Завета.⁵⁰

Однако в средние века система типологических соответствий стала расширяться: в нее был включен целый ряд новых типов и анти типов. Средневековые авторы, как отмечает Ф. Оли, находили новые типы уже не только в библейских книгах, но и среди персонажей античных мифов и древних bestiaries (Орфей, Геракл, Тезей, единорог, лев, пеликан и т. д.).⁵¹ В то же время новые анти типы были представлены известными именами постбиблейской истории (например, царь Константин как «новый Моисей» или Карл Великий как «новый царь Давид»).

В результате этого расширения, пишет Ф. Оли, к основному ядру библейской типологии была присоединена *типология полубиблейская* (halb biblische), включавшая, с одной стороны, античные типы и с другой — *постбиблейские анти типы* (nach biblische Antitypen).⁵² В качестве примера последних Ф. Оли приводит литературный образ св. Бенедикта (автора знаменитого монашеского устава — Regula monachorum), библейским типом которого оказывается законодатель Моисей.⁵³

Следуя терминологии, предложенной немецким ученым, мы можем сказать, что «библейскую» (или точнее, по Ф. Оли, «постбиблейскую») типологию использовали и многие древнерусские авторы, стремившиеся соотнести своих

⁴⁹ Ohly F. Typologie als Denkform S. 27. Типологические отношения могут распространяться на сотни персонажей Ветхого и Нового Заветов. См., например, 97 типологических пар, выделенных Е. Г. Водлазкинским в Толковой Палее (Водлазкин Е. Г. Всемирная история С. 311—314).

⁵⁰ Ohly F. Typologie als Denkform S. 29. Как отмечает Ф. Оли, обычно типологические соответствия направлены на усиление свойств анти типа в лучшую сторону (in bonam partem), когда, например, анти типом Адама выступает Христос (Рим 5:14), а анти типом перехода евреев через Красное море является крещение (1 Кор 10:2). Однако встречаются и такие типологические пары, в которых «усиление» направлено в худшую сторону (in malam partem), например, когда типу египетского фараона соответствует анти тип анти Христа (Ohly F. Typologie als Denkform S. 35).

⁵¹ Анти типу Христа могли соответствовать в равной мере библейский тип песнопевца Давида, античный тип Орфея или тип выпущенного Ноем голубя (см. Ohly F. 1) Typologie als Denkform S. 31—32, 2) Typologische Figuren aus Natur und Mythos S. 126—166, особенно S. 133—144).

⁵² Ohly F. Typologie als Denkform S. 30—34.

⁵³ Такое сопоставление использует, например, аббат Одо Клунийский в Слове, посвященном св. Бенедикту. Он сравнивает Бенедикта как законодателя монашеской жизни с пророком Моисеем — законодателем израильского народа. Ф. Оли упоминает также о существовании *внебиблейских* типологических пар, в которых в качестве типа для христианского святого избирается герой античной эпохи (так, например, Цицерон оказывается «типом» св. Амвросия). См. Ohly F. Typologie als Denkform S. 34, 35.

героев с их библейскими «образцами». ⁵⁴ Не был исключением и Сергей Шелонин, который сумел в своем «Похвальном слове русским преподобным» найти библейские типы для большинства русских святых. ⁵⁵ (В своем сочинении он чаще всего использовал ветхозаветные типы Авраама, Моисея и пророка Илии, с давних пор служившие прообразами христианского монашества.) ⁵⁶

Перейдем к анализу уподоблений в «Похвальном слове русским преподобным» Сергея Шелонина.

§3. Принцип уподоблений как метод нахождения агиологических и библейских образцов и создания по ним их литературных подобий

«Похвальное слово русским преподобным» было написано Сергием Шелониным «по образцу» другого известного произведения — «Похвального слова преподобным отцам и женам», читающегося в церкви в «субботу сырную». Автором этого сочинения является выдающийся болгарский писатель кон. XIV—нач. XV в. Григорий Цамблак. ⁵⁷

⁵⁴ Ср с тем, что пишет С Сендерович об особенностях использования библейской типологии в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона «Сравнения, вытекающие из типологии, < > делаются первыми киевскими историографами не в порядке орнаментально-риторических приемов, не для украшения речи, а ввиду смысловой задачи, которую они решали < > Средневековый писатель мыслит типами и парадигмами, осмысленными и освященными традицией Его задача — найти подходящий к случаю тип или парадигму Это не всегда обозначено на поверхности, тем не менее это всегда так, и мы не поймем средневекового автора, пока не найдем типы и парадигмы, которым он следует » (Сендерович С Св Владимир С 308—309), «В отличие от авторов Нового Завета и отцов церкви, история предстает перед Иларионом не двухчастной, а трехчастной, к ней добавляется еще одна часть священная история евреев — христианско-апостольская история — история Святой Руси Эта крупная особенность общего плана отражается на характере использования типологии » (Сендерович С Слово о законе и благодати С 51)

⁵⁵ Методу уподобления прославляемых им героев библейским типам Сергей Шелонин научился, по-видимому, подражая «Похвальному слову» Григория Цамблака Однако сам выбор библейских «образцов» для того или иного русского святого является результатом уже его собственных библейских штудий, свидетельством чего может служить экземпляр Острожской Библии из библиотеки Соловецкого монастыря (РНБ, Отдел редкой книги, XXII, 5 3-а), в котором сохранились пометы Сергея Шелонина

⁵⁶ В «Похвальном слове русским преподобным» Аврааму уподоблены Антоний Печерский, Александр Свирский, Евфимий Суздальский и Савватий Соловецкий, пророку Моисею — Антоний Печерский, Прохор Лебедник, Димитрий Прилуцкий, Макарий Калязинский, Зосима Соловецкий и святители Никита и Евфимий Новгородские и Гурий Казанский, а пророку Илии — Никола Святоша, Варлаам Хутынский, Герман Соловецкий и архиепископы Гурий Казанский и Геннадий Новгородский О библейских «типах» Авраама, Моисея и Илии см Лурье В М Призвание Авраама Идея монашества и ее воплощение в Египте СПб, 2000 С 12—13, 57, 61—63, 78 и др, Alison D C, Jr The New Moses A Matthean Typology Minneapolis, 1993 P 114—118, Porrot E Elle, arhétpe du moine Pour un ressourcement prophetique de la vie monastique Abbaye de Bellefontaine, 1995

⁵⁷ Нужно отметить, что «Похвальное слово» Григория Цамблака послужило «образцом» еще для одного русского сочинения — «Похвального слова новым русским чудотворцам» инока Григория Суздальского (см Илиева А «Слово за преподобните отци в сирна събота» от Григорий Цамблак в руската ръкописна традиция // Старобългарска литература София, 1982 Кн 12 С 54—63) Текст этого «Слова» был недавно опубликован отцом Макарием Веретенниковым См Ма-

«Похвальное слово» Григория Цамблака в свою очередь послужило тем самым «каноническим текстом»,⁵⁸ по «модели» которого Сергей Шелонин создал свое «Похвальное слово русским преподобным». ⁵⁹ Сочинение соловецкого писателя (так же как и его «литературный образец»), по-видимому, было предназначено для прочтения в «субботу сырную», посвященную памяти преподобных отцов, — как своеобразная «русская редакция» «Похвального слова» Григория Цамблака, как переложение его «на язык русских реалий». ⁶⁰

Метод творчества Сергея Шелонина напоминает работу иконописца, который создает икону *нового* святого по образцу известного иконографического типа, с которым у нового святого существует определенное «подобие»: по сходству подвига, по имени и т. д. ⁶¹

Создавая подобную словесную «икону» собора русских преподобных, Сергей Шелонин использовал — в качестве «прориси» — текст Слова Григория Цамблака, посвященного древним отцам Востока. Используя словесную ткань этого произведения, он «вписал» в нее образы русских преподобных, повторяя те же слова и выражения, которыми Григорий Цамблак изображал древних святых (одновременно с этим Сергей Шелонин постарался придать образам русских святых и некоторые черты портретной и биографической узнаваемости).

Для каждого из сонма русских преподобных он постарался найти соответствующий агиотип среди подвижников Египта, Палестины, Сирии, Синая и Византии, используя в качестве основного эвристического приема принцип уподобления. При этом в самом тексте «Похвального слова» большая часть

карий (Веретенников), архимандрит. Эпоха новых чудотворцев (Похвальное слово новым русским святым инока Григория Суздальского) // Альфа и Омега. М., 1997. № 2 (13). С. 128—144.

⁵⁸ Понятие «канонического (или классического) текста», на который ориентируется средневековый писатель, было предложено в известной статье Рикардо Пиккио: Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw, 1973. Vol. 2. Literature and Folklore. The Hague; Paris, 1973. P. 441, 444. В отечественной медиевистике это понятие использует Б. А. Успенский (см.: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII в.). Мюнхен, 1987. С. 56).

⁵⁹ «Литературной моделью» Р. Пиккио называет любой «существовавший ранее образец», который избирается писателем в качестве «объекта для литературного подражания»: например, «литературное произведение, или концептуальная формула, или стилистический прием, сделавшийся „классическим“ для других авторов» (см.: Picchio R. Models and Patterns... P. 441). Как отмечает ученица Р. Пиккио Юлия Алиссандратос, «литературный образец» отличается от обычного «литературного источника» прежде всего тем, что из него в производный от него текст заимствуются не только отдельные «места», но и вся «последовательность событий» в целом, переносится, так сказать, «модель расположения материала» (см.: Alissandratos J. Medieval Slavic and Patristic Eulogies. P. 67).

⁶⁰ Ср.: Успенский Б. А. Борис и Глеб... С. 22. «Подобно тому как церковная служба постоянно (циклически) воспроизводит одни и те же библейские события, так и книжная словесность как бы воспроизводит одни и те же исходные тексты (образцы), прежде всего библейские и вообще церковные. <...> Более того: те или иные тексты, видимо, могут вообще пониматься как конкретные реализации исходного текста, который является как бы онтологически исходным, первичным» (Успенский Б. А. История русского литературного языка... С. 56).

⁶¹ О принципах уподобления святых в иконописных подлинниках см.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси... Т. 2. С. 7—15.

уподоблений (выполненных, как правило, через «замещение» агиотипа) скрыта от глаз читателей. Сопоставив текст сочинения Сергия Шелонина со Словом Григория Цамблака, мы попытались восстановить все пары «подобий» русских святых и их агиотипов среди отцов Востока, а также их библейских «типов», и описать принципы, послужившие для их уподобления.

В рассматриваемом нами «Похвальном слове русским преподобным» метод уподобления агиотипам был разработан Сергием Шелониным с особой виртуозностью. Для уподобления русских подвижников преподобным отцам Востока он использовал следующие признаки:

1. **тождество имен святого и его агиотипа:** именно по тезоименитству Антоний Печерский уподоблен Антонию Великому, Максим Грек — Максиму Исповеднику и т. д. (причем само имя святого нередко является «ключом» к пониманию «делания» святого, его духовной предназначенности);

2. **сходство святого и его «агиологического образца» по типу аскезы:** по этому признаку он уподобляет «пещерника» Исаакия Печерского египетскому «пещернику» Павлу Фивейскому, а столпника Савву Вишерского — Симеону Столпнику;

3. **равенство святого и его «образца» на «ступенях» духовного подвига:** благодаря дару слез автор Слова уподобляет Феофила Печерского Ефрему Сирину, а Максима Грека — благодаря дару любви — Максиму Исповеднику, наконец, «безмолвника» Савватия Соловецкого — такому же «безмолвнику» Арсению Великому;

4. **сходство духовного дара святого и его агиотипа:** по этому признаку Сергий Шелонин уподобляет, например, киево-печерского целителя Алимпия скитскому «помазателю» Даниилу;

5. **равная духовная и историческая значимость подвига святого и его «образца»** (уподобление «первоначальника» определенного «чина» святости в Русской земле «чиноначальнику» древней церкви): например, уподобление Антония Печерского «отцу монашества» Антонию Великому или уподобление игумена Феодосия, основателя общежития в Киево-Печерском монастыре, палестинскому киновиарху Феодосию Великому;

6. **сочетание в жизни святого и его агиотипа различных путей святости** (например, преподобнического и мученического): по этому признаку печерский преподобномученик Евстратий, распятый иудеями на кресте в день Святой Пасхи, уподоблен палестинскому преподобному и исповеднику Харитону;

7. **сходные обстоятельства в жизни святого и его «агиологического образца»:** так, например, агиотипом для Павла Обнорского, который жил в дупле старой липы и делил пищу с лесными зверьми, послужил отшельник Иоанникий, «на горе Олимп со зверми живый»;⁶²

8. **сходные сюжетные «мотивы» чудес, совершаемых святым и его агиотипом:** так, например, Антоний Римлянин уподоблен преподобному Мартиниану бла-

⁶² Ср.: в «Каноне всем русским святым», также принадлежащем перу Сергия Шелонина, для Павла Обнорского найден другой агиотип (хотя и столь же близкий) — Герасим Иорданский, «ему же паробота звърь» (песнь 5, троп. 4).

годаря сходству мотивов «чудесного пересечения морской пучины», которую один из них переплывает на камне, а другой — «на плещу зверей морских». Мотив «чудесного перенесения в Иерусалим» служит основанием для уподобления Иоанна Новгородского Георгию Арселаиту, но, в отличие от синайского подвижника, новгородский епископ путешествует туда верхом на бесе;

9. сходство святого и его «образца» по социальному происхождению: по этому признаку, например, князь-инок Никола Святоша уподоблен синайскому подвижнику Исидору, также происходившему из княжеского рода;

10. некий общий портретный признак, объединяющий святого и его агиотип: например, на основании общего портретного признака («малый ростом, но высокий духом») Дионисий Глушицкий уподоблен египетскому подвижнику Иоанну Колову, прозванному за свой малый рост «Коротким»;

11. уподобление святого его агиотипу по признаку «ученичества»: по этому признаку уподоблены, например, ученики Антония Печерского ученикам Антония Великого: игумен Варлаам — Аммону Нитрийскому, Исаакий Затворник — Павлу Фивейскому, Феодосий Печерский — Илариону Великому;

12. уподобление «двоицы» святых другой «святой паре» по признаку «парности» (или «троицы» святых другой «троице» по признаку «троичности»): по этому признаку «святая двоица» Стефан Махрицкий и Афанасий Высоцкий уподоблены другой «святой паре» — Евфрату и Венедикту,⁶³ а три московских святителя Петр, Алексей и Иона — «собору трех святителей»: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту;

13. уподобление святого его агиотипу по признаку духовно-топографическому — в тех случаях, когда уподобляются прежде всего «святые места» (например, Соловецкий остров и Афон; пустыни Заволжья и Скитская пустыня), а затем — и подвизавшиеся в этих местах святые: на основании этого признака в «Похвальном слове русским преподобным» Зосима Соловецкий, например, уподоблен Афанасию Афонскому, а святые Заволжья («Северной Фиваиды») — отшельникам Келлий и Скита.

Нередко соловецкий книжник подыскивает для святого агиотип сразу по нескольким из этих признаков: например, Антоний Печерский уподоблен Антонию Великому одновременно и по имени, и по типу аскезы (оба они ведут отшельническую жизнь), и по духовной и исторической значимости их подвига (один из них является «отцом» восточного, а другой — русского монашества).

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению содержания «Похвального слова русским преподобным».

* * *

Итак, как было сказано, Сергей Шелонин создал словесную «икону» всех русских преподобных, художественное пространство которой охватывает

⁶³ О святых «двоицах» см.: Флоренский П., священник. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 427—428; Топоров В. Н. Святость и святые... Т. 1. С. 762, а также главу «Святая двоичность» в кн.: Макарий (Веретенников), архимандрит. Русская святость в истории, иконе и словесности: Очерки русской агиологии. М., 1998. С. 62—72.

пределы всей Русской земли: от Киева на юге до Белого моря на севере, от Новгородско-Псковской земли на западе до Казани на востоке.

Автор Слова движется по этому пространству мысленным взором с юга на север (и с запада на восток), объединяя пять основных центров русского монашества: Киево-Печерский монастырь, Новгород, обитель преподобного Сергия Радонежского, монастыри Белозерья и Вологодского края (обычно именуемые «Северной Фиваидой») и, наконец, самый северный из всех — Соловецкий монастырь.

Во главе первого (и наиболее многочисленного) собора киево-печерских отцов стоят Антоний и Феодосий Печерские, воплощая собой два основных типа монашества — отшельнический (Антоний) и киновиальный (Феодосий). Антония Печерского, начинавшего свой монашеский путь на Афонской горе, автор Слова называет «ростком» Святой горы, привившимся в Русской земле и принесшим обильные духовные плоды. Сергей Шелонин изображает подвиг этого безмолвника по «образцу» *Антония Великого*, подобно которому он также, уединившись в пещере, «един единому Богу чистою молитвою беседовати изволил», непрестанно пребывая в созерцании и богообщении. «Не единожды, и не дважды, но непрерывно созерцал Бога чистотою ума *новыи сеи боговидец*», — говорит автор Слова, сознательно перенося на Антония Печерского уподобление пророку Моисею, изобретенное в Слове Григория Цамблака для Антония Великого. Из Слова Григория Цамблака Сергей Шелонин заимствует и уподобление основателя русского монашества его библейскому «прототипу» *праотцу Аврааму*, от которого, по обетованию, произошло множество духовных чад. Ср.:

Слово СШ: об *Антонии Печерском* (с. 572)

Слыша бо и сеи *нашь Авраам* обѣтование Божие, чада умножити глаголющее и вышнии Иерусалим в наслѣдие дати. *Водворися в пещеру и един единому Богу чистою молитвою бесѣдовати изволи*, в ней же не единою, ни дважды, но присно Бога зряше ума чистотою *новыи сеи боговидец*. В ней безмолвствуя, чюдеса сотвори великая и преславная...

Слово ГЦ: об *Антонии Великом* (л. 233 об.—238)⁶⁴

Слыша и се, яко отець *нашь Авраамъ* слышавъ обѣтование Божие, чада умножити глаголющее и вышнии Иеросалимъ въ наслѣдие дати. <...> *Жестокую и непроходимую изволи жити пустыню*, в ней же не единою или дважды, но присно Бога зряше ума чистотою, *новыи боговидецъ*. В ней безмолвствуя, чюдеса сотвори великая и преславная...

Учеников Антония Печерского, как было сказано, Сергей Шелонин уподобляет ученикам и сподвижникам Антония Великого: игумена Варлаама — Аммону (основателю монашеской жизни в Нитрийской пустыне), Исаакия Затворника — Павлу Фивейскому и Феодосия Печерского — Илариону Великому.

Первый из них (боярский сын Варлаам) был насильно принуждаем отцом своим к браку и — так же как и *Аммон Нитрийский* — отказался от плотского сожителства с юной супругой, сохранив нетленной душевную чистоту.

⁶⁴ Цитаты из «Похвального слова» Сергия Шелонина (далее — Слово СШ) приводятся по тексту, опубликованному в 53-м томе ТОДРЛ (см.: Панченко О. В. Из археографических разысканий... С. 547—592), а цитаты из Слова Григория Цамблака (далее — Слово ГЦ) — по Сборнику 1647 г. («В субботу сырную, Григория смиреннаго инока и презвитера, слово похвално иже древле в постѣ просиявшим преподобным отцем» // Сборник из 71 слова. М., 1647. Л. 232—256).

Слово СШ: о Варлааме Печерском (с. 575)

Сицево *тризнице Варламово*, сицево начало имѣ к любви Божии спостникъ Антониев. <...> И понеже в чертозѣ съдя и жену имѣя, тако весь отскочи к будущим: и естества непостоянный пламень удержа, и сласти попра, и диявола связа, и побѣду постави...

Слово ГЦ: о Аммоно Нитрийском (л. 239—239 об.)

Сицево *любомудрие Аммоново*, сицево начало имѣ к любви Божии спостникъ Антониевѣ. <...> И понеже *на одрѣ* съдяи въ чертозѣ, и жену имѣя близъ, тако весь отскочи к будущимъ: и естества непостоянный пламень удержа, и сласти попра, и диявола связа, и побѣду постави...

Подобен Варлааму и Моисей Угрин — дружинник святого князя Бориса, единственный, кто уцелел при убиении своего князя на реке Альте. Взятый в плен, он оказался в рабстве у госпожи, воспылавшей к нему плотской страстью. Сохраняя чистоту и целомудрие, Моисей претерпел раны, и увечья, и оскотление по приказу его мучительницы, но одержал победу над дьяволом и получил от Бога дар помощи подвижникам, терпящим брань от нападков блудного беса. Создавая образ Моисея Угрина, Сергей Шелонин не нашел для него агиотипа в «Похвальном слове» Григория Цамблака и поэтому сам подобрал для него целый ряд агиологических и библейских «образцов», среди которых: *Иосиф Прекрасный, Сампсон, Павел Фивейский, мученица Потамия*.

Другого сподвижника Антония Печерского — затворника Исаакия Торопчанина — Сергей Шелонин «скрыто» уподобил «пещернику» *Павлу Фивейскому* (через «замещение» этого агиотипа в Слове Григория Цамблака). Для этого уподобления он использовал признак «ученичества» каждого из них у своего «преп. Антония» (о чем уже было сказано) и, возможно, то обстоятельство, что оба они были «пещерниками». ⁶⁵ Одновременно с этим он нашел для Исаакия Печерского еще один агиотип — в образе тезоименитого ему *Исаака Сирина*. Впрочем, этим он не ограничился. Он также уподобил Исаакия палестинскому отшельнику *Мартиниану*, с которым печерского монаха сближает общий сюжетный мотив — «*попрание огня босьми ногами*». Мартиниану, много лет подвизавшемуся в пустыни, однажды явилась блудница, чтобы соблазнить его, но отшельник, встав босьми ногами на горячие уголья, *попрал разжжение* телесной страсти. Подобным образом и Исаакий, когда в келии его разгорелась утлая печь, встал босьми ногами на вырывавшееся пламя и простоял так, пока печь не прогорела. Объединяющий их мотив «*очищения через попрание огня босьми ногами*» сочетается здесь с мотивом высочайшего смирения обоих подвижников (ведь недаром и повесть об Исаакии в Киево-Печерском патерике начинается словами: «Как в огне очищается золото, так и люди приятны [Богу] в печи смирения»). ⁶⁶ Сближает их и общий мотив ниспослания Божьей помощи в испытании огнем, что позволяет автору «Похвального слова» уподобить обо-

⁶⁵ Впрочем, пещерничество египетских отшельников, живших в пещерах поверх земли, кажется, несколько отличалось от пещерничества киевских монахов, чьи пещеры были подземными. См.: Топоров В. Н. *Святость и святые...* Т. 1. С. 677.

⁶⁶ Киево-Печерский патерик // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 474 («О преподобном Исаакии Пещернике. Слово 36»).

их святых их «библейскому прототипу» — отроку Азарии — одному из трех отроков, *поправших огонь* «печи халдейской».

Слово СШ об Исаакии Затворнике
(с 577)

Что же *торопчанин* он, иже соплетеса со дьяволом тако чудно, тако преславно, и того съти яко паучину раздра, *Исааку* тезоименитыи *Сирскому*, и равен еже ко Христу любовию, по оногo учению весь себе распен мирови, и ангелом позор бысть, *ради побѣды еже на тризници Побѣжден бо бы, абие сопротивным одолѣ, паче перваго* < > Но и *новши Мартиниан* явися, < > на скважню возступи необувенными ногама, дондеже пламень в печи в пепел преложися — неподвижим пребысть О чудо, не токмо нозѣ его пламень прикаснуса, но ни ризам его! И в сих *вторыи Азария* показася

Слово ГЦ о Павле Фивейском
(л 239 об)

Что же *фивеянин* онъ, иже соплетеса со дьяволомъ тако чудно, и тако преславно, того съти яко паучину раздра, *Павлу* тезоименитыи, и равенъ иже къ Христу любовию, весь по оному себе распенъ мирови, и ангелом позоръ бывъ, *от человекъ утаився* *Ниже бо кто того когда видѣ, отшельже е мира избѣжа, токмо великии Апостоли*

Создавая образ ученика преподобного Антония — печерского игумена Феодосия, Сергей Шелонин также «уподобляет» его (по признаку «ученичества») *Илариону Великому* — ученику Антония Великого и основателю монашества в Палестине Но с Феодосия начинается киновиальная «линия» русского монашества, и поэтому автор «Похвального слова» избирает для него в качестве агиотипа палестинского киновиарха *Феодосия Великого*⁶⁷ Объединяет его с Феодосием Иерусалимским не только имя, но и выбор сходного пути («тезоименитство *вещьми и именем*») и их равная значимость в истории русского и палестинского монашества (в которой каждый из них является основателем общезначительной традиции).⁶⁸

Слово СШ: о Феодосии Печерском
(с 577—578)

тезоименитыи вещьми и именем чредоначалнику божественных оград, чин небесныи на земли показавыи, жития единообразнаго устав общение, высок в добродѣтелех, велик в догматах истинѣ, сияя в чудесѣх < > Вся бо обща, и душа тѣм обща от преумножения любве

Слово ГЦ о Феодосии Великом
(л 247—247 об)

Что же чредоначалникъ божественных оградъ *Феодосии*, чинъ небесныи на земли показавыи, жития единообразнаго уставъ и общение? Высокъ в добродѣтелехъ, великъ въ дохматѣхъ истиннѣ, сияя в чудесѣхъ < > Вся бо обща, и душа тѣмъ обща от преумножения любве

Среди учеников Феодосия Печерского автор Слова особенно выделяет подвиг мученика Евстратия, который был взят в плен половцами и продан в рабство

⁶⁷ Таким образом, подбирая «агиологический образец» для образа Феодосия Печерского, Сергей Шелонин еще в сер XVII в. определил, что у русской монашеской традиции (основателем которой является преп Феодосий) был «палестинский» прототип Позднее, уже в XX в., сходную мысль высказал Г П Федотов, написавший о близости русскому монашеству палестинского идеала святости, воспринятого на Руси именно благодаря примеру Феодосия Печерского (Федотова Г П Святые Древней Руси С 53—66) См об этом же Топоров В Н Святость и святые Т I С 687, 799

⁶⁸ Говоря об устройении киновиальной жизни в Киево-Печерском монастыре при игумене Феодосии, Сергей Шелонин сравнивает ее с устройением небесной иерархии (излагаемой им по Дионисию Ареопажиту) подобно тому как ангелы передают друг другу изливание божественного света, так же и монахи в кинови Феодосия передают друг другу благодать божественной воли и любви

евреям, распявшим его на Пасху за отказ отречься от Христа. Сергей Шелонин уподобляет его (с помощью приема «скрытого замещения» агиотипа в «Похвальном слове» Григория Цамблака) палестинскому исповеднику *Харитону*, основателю знаменитой Фаранской лавры близ Иерусалима, с которым Евстратия сближает сочетание двух путей подвига — мученического и преподобнического.

Слово СШ: *о Евстратии Печерском*
(с. 578)

Вѣм полного благодати *Евстратия*, мученика и преподобна бывша, во обоих добльствовавша и искусна явльшася, и *исповѣдания* ради обличивша *шудеом еже на Спаса неистовство*...

Слово ГЦ: *о Харитоне*
(л. 241 об.)

Вѣм полного благодати *Харитона*, и мученика и преподобна, и во обоихъ добльствовавша и искусна явльшася, и *идоломъ* немощь обличивша, ради исповѣдания, и диявола посрамивша, ради пощения... разбойницы емше, во своемъ вертепе того рукама и ногама крѣпко связана, затвориша...

«Собору» учеников и сподвижников Феодосия Печерского (среди которых он называет Никона Сухого, Матфея и Онисифора, Никона, Дамиана, Герасима и др.) Сергей Шелонин подбирает в качестве «образца» в «Похвальном слове» Григория Цамблака группу учеников Антония Великого: Аннина, Паламона, Питирима и Памву, Нина, Иоанна Краткого.

Слово СШ: *о сподвижниках Феодосия Печерского*
(с. 578—579)

Оставляю глаголати *Матфея* и *Онисифора*, прозорливаго дара исполненьх, и пророчеством украшенъх, и священства помазанем совершенъх; *Никона* же, и *Дамияна*, и *Герасима*, и *Лариона*, и *Ефрема*, *Германа*, *Стефана*, *Нифонта*, *Марина*, *Мину*, *Николу*, *Феоктиста*, *Лаврентия* — мужа таковы, о них же рече Господь: «Вы есте свѣт миру», о нихже нѣсть нам нынѣ глаголати подробну...

Слово ГЦ: *об учениках Антония Великого*
(л. 242 об.)

Оставляю глаголати осияваемаго свѣтомъ *Аннина* и зрящаго селения святыхъ, *Паламона* и *Питирима* и *Памва*, съ *Ниномъ*, и *Иоанномъ*, нареченнымъ *Краткимъ*, *досяжущимъ же небеса*, — мужи таковы, о нихъ же рече Господь: «Вы есте свѣтъ миру», о нихъ же нѣсть намъ нынѣ глаголати подробну...

Однако не для всех киево-печерских святых Сергей Шелонин смог найти «агиологические образцы» в «Похвальном слове» Григория Цамблака. Для некоторых из них он сам подобрал агиотипы среди великих подвижников Востока. Так, например, он уподобил Афанасия Затворника *Георгию Хоривиту*, а Кукшу, просветителя вятичей, — *Григорию Неокесарийскому*, который также, обращая язычников к христианству, совершил множество чудотворений: вызвал дождь во время засухи, прогнал бесов, осушил озеро.

Другого печерского подвижника Феофила Многослезного автор уподобил сразу двум агиотипам — *Ефрему Сирину* (с помощью «замещения» агиотипа в тексте-«образце») и *Арсению Великому* (с помощью приема *translatio nominis*). Общим признаком для этих уподоблений послужил свойственный всем трем подвижникам дар покаянной молитвы и слез. О Феофиле Печерском известно, что он даже ослеп от плача; перед кончиной ему явился ангел Господень и показал сосуд слез, излитых им в покаянной молитве, благоухание которых превосходило запах мирра. Ср.:

Слово СШ: о Феофиле Печерском
(с 579)

Гдѣ положу в нынѣшнемъ нашемъ вѣчнемъ плетении слезамъ сладкаго источника, втораго Арсенія, «боголюбиво» тезаго Феофила, дѣлу не во мнозѣхъ сущему

Аще и варваръ бы разумомъ и душею, кто не воздохнет, себе окаявъ, оного помышляя, помянувъ опаленное лицо, горящихъ слезъ всегдашними тучами очю свѣтъ погубивша, и тѣлесное все видѣние увянуло краинимъ воздержаниемъ Падаящая же ото очю его слезы, не якоже великии Арсению на лонѣ платъ имяше, но в сосудъ собираше якоже бисерие

Слово ГЦ: о Ефреме Сирийце
(л 243 об)

Гдѣ положу втораго оного Иеремию, сладкаго источника слезамъ < >, иже нечювствиемъ изсохшия души своими словесы и наказаниими напои < >

Аще и варваръ бы разумомъ и душею, кто не воздохнетъ себе окаявъ, оного помышляя, помянувъ опаленное лице горящихъ слезъ, всегдашними тучами очю истекли, и тѣлесное все видѣние увянуло краинимъ воздержаниемъ Колицю афинее, колицю философи, колицю ритори возжелѣти бы, да поне от тыящи единою сего похвалѣ причастици будутъ

Для печерского просвирника Спиридона соловецкий писатель нашел агиотип в лице тезоименитого ему *Спиридона Тримифунского*. Одновременно с этим он уподобил его — по признаку сходства сюжетных мотивов в их житиях — епископу *Петру Севастийскому* и безымянному *синайскому столпнику*.

О Петре Севастийском (брате Василия Великого) Сергей Шелонин знал из «Слова Амфилохия Иконийского о Василии Великом». В нем рассказывается, как однажды епископ Петр был оклеветан в том, что, приняв епископский сан, он продолжает сожительствовать со своею женою. Чтобы рассеять эти подозрения, архиепископ Василий Великий собрал народ в церковь и повелел принести жаровню с горящими угольями, которые приказал высыпать обоим обвиняемым в подол их одежды. Долгое время Петр и его супруга держали горящие уголья в своих простертых ризах и не только от этого не пострадали, но даже не прожгли одежды. Подобное чудо произошло и с безымянным синайским столпником, о котором рассказывается в *Синайском патерике* (главы 30—31). Однажды он, завернув в платок горящий уголь, отослал его пресвитеру, находившемуся в 20 верстах; пресвитер же, налив в платок воды, возвратил его столпнику. При этом ни уголь не угас, ни вода не пролилась, ни платок не прогорел. Этим двум агиотипам и был уподоблен Спиридон Просвирник, который также однажды сумел погасить огонь разгоревшейся печи, нося воду в своей мантии. Основанием для этого уподобления послужило сходство сюжетных мотивов, связанных с укрощением стихии огня.

Создавая образ печерского иконописца и целителя Алимпия, Сергей Шелонин уподобил его «скитскому помазателю» *Даниилу*, который нес подвиг духовного служения страждущим, ухаживая за прокаженными. Одновременно с этим он соотнес Алимпия и с его «библейским прообразом» — пророком *Елисеем*, исцелившим сирийского военачальника Неемана от проказы (4 Цар. 5: 14).

Слово СШ: об Алимпии Печерском
(с 580)

Каков ли печерский презвитер и помазатель Алимпии изографъ, вторыи Иелисѣи, иже Неомана очисти от проказы Вапами бо прокаженнаго гнилыя струпы помаза, и покаяниемъ согрѣшения

Слово ГЦ: о Данииле
(л 244 об)

Каков ли онѣ скитский презвитеръ и помазатель, якоже именемъ гако и чистотою и боговидѣниемъ Даниилу подобенъ, остая токмо пророчества даромъ, якоже онѣ иночества

*его омыв, подав ему пречистых таин Христовых;
первым убо тѣло очистив, вторым же — души
врачевание подав...*

Другого печерского целителя Агапита (который врачевал греховные язвы страждущих собственным покаянием, а под видом лекарства давал им обычную столовую зелень) Сергей Шелонин уподобил *Антонию Великому*, который также скрывал «живущую в нем благодать».

Бывшего черниговского князя Николу Святошу автор Слова уподобил *Исидору Синаиту*, также происходившему из княжеского рода. Иоанн Лествичник рассказывает о преподобном Исидоре в 4-м слове «Лествицы». По послушанию игумену Исидор в течение 7 лет стоял у врат обители, прося каждого проходящего человека помолиться о нем как об одержимом злым духом. По-видимому, знатный род Исидора и достигнутое им высочайшее смирение послужили основанием для Сергия избрать его в качестве агиотипа для печерского князя-инока Николы Святоши (который, кстати, также в течение 3 лет служил привратником Печерского монастыря).

Для печерского инока Григория Чудотворца автор Слова подобрал сразу два агиотипа: *Григория Неокесарийского* и *Исаакия Далматского*, исходя из общего для них дара прозорливости. Писатель вспомнил о том, как по молитве Григория Неокесарийского был наказан один из иудеев, который хотел посмеяться над святым и притворился умершим, но уже не встал со смертного одра. Точно так же и Григорий Печерский предсказал наказание другого обманщика, лгавшего ему, будто завтра он будет повешен. И действительно наутро обманщик был найден повешенным, оттого что ночью, упав с дерева, зацепился воротом за ветку.

Мотив «грозного пророчества» сближает Григория Печерского и с другим его агиотипом — Исаакием Далматским, который предсказал царю Валенту, что его поход на готфов будет неудачным. Точно так же и печерский святой предсказал князю Ростиславу, шедшему на половцев, что тот не вернется живым, а утонет в реке, что и сбылось впоследствии.

Другого печерского чудотворца Марка, «егоже повеления мертвии послушаху», Сергей Шелонин уподобил тезоименитому ему *евангелисту Марку*. А киевского «пещерника» Иоанна Многогтерпеливого он уподобил *пророку Ионе*, найдя сходство с «библейским прототипом» как в перенесенных обоими испытаниях (пещерник Иоанн *в устах огнедышащего змея* подобен *Ионе во чреве кита*), так и в чудесном избавлении от них.

Для еще одного чудотворца Прохора Лебедника писатель избрал в качестве агиотипа жившего в Египте чудотворца *Виссариона*, который молитвой и крестным знаменем усладил морскую воду, низвел дождь во время засухи, ходил по водам, как по суше, и совершал другие чудеса. А в образе пророка *Моисея* он нашел для Прохора «библейский прототип»: подобно тому как в древние времена Бог, по молитвам Моисея, посылал израильтянам манну небесную в пустыне, так и позднее — по молитвам Прохора — превращал лебеду в хлеб, а пепел — в соль.

Слово СШ: о Прохоре Лебеднике
(с. 581)

Что же ли Прохор? Не вторыи ли Висарион, птичье житие пожив, надеждоу питаем будущих благ? В травѣ глаголемъ лебеда, хлѣб творящие, и в пепелу — соль, сим питаешся <...>, алчующая люди до избылиа кормяше <...>. Приемлющим убо от руку его горкии сеи хлѣб чист и сладок являешся, и пепел — солию. А иже отаи вземлющим — горек по своему естеству и нечист обрѣтаешся, и пепел — по своему естеству.

Слово ГЦ: о Висарионе
(л. 251 об.)

Что же Висарион, иже птичье житие имѣвъ, надеждоу питаемъ будущихъ? Не токмо по пустыни, имущей иноки скитаяся, но и в ненаселенной многажды пустынь влаатися изволивъ, отвѣщая ко иже <...> въ монастырь внити молящимъ и причаститися трапезы, яко во истоплении въпадохъ <...> и благородия моего отпадохъ, <...> и сего ради не возможно мнѣ под кровъ внити.

Редкий путь подвижнической жизни был избран третьим печерским целителем Пименом Многострадальным. Его молитва была особого рода: он просил о даровании ему болезней и страданий, которые принимал с радостью, желая в терпении обрести спасение. За этот подвиг он был удостоен монашеского пострига от рук явившихся ему ангелов и получил от Бога дар исцелений. Для него Сергей Шелонин нашел агиотию в лице «скитского помазателя» *Вениамина*, который, сам страдая водяникой, исцелял других страждущих — до самой своей смерти, говоря, что болезнь его «нисколько ему не вредит». Ср.: «Но или не подобен скитскому оному помазателю Веньямину, иже сам на одрѣ в недужѣ слежа двадесят лѣтъ, болных же цѣляше словом. К концу же живота своего совершенно исцѣлѣ: своиа ногама к пещере грядяше, нося на раму своею одр свои, на немже слежаше, якоже и разслаблении при Христѣ. Болящим же вопияше проводити его в пещеру, и вси с словом его здрави бывше, провожаху его в пещеру».

«Таковые были черноризцы Печерской обители, созданной по благословению отцов Святой горы», — заключает рассказ об учениках Антония и Феодосия Печерских автор «Похвального слова русским преподобным». Затем, перенесшись мыслью из Киева на север — в новгородскую и псковскую земли, он говорит о подвижниках северной Руси, следуя ранее избранному им методу: находя для них агиотипы среди древних отцов Востока и подбирая для них «библейские прототипы».

Прославляя новгородского чудотворца Варлаама Хутынского, Сергей Шелонин избрал для него в качестве агиотипа чудотворца *Симеона Дивногорца* и одновременно с этим нашел для Варлаама его «библейский прототип» — *пророка Илию* (которому и уподобил его, используя прием синкрисиса): «Вѣм мужа Илии подобна: он бо огонь сведе, пятдесятники пожже и царя удиви, сеи же дождь с небесе сведе, люди возвесели и торжествовати устрои. Ов убо вдовича сына воскреси, сеи же царева скопца умерша востави».

Слово СШ: о Варлааме Хутынском
(с. 582)

Кто бо не вѣсть *Варлаама*, града оного «стоящаго верху горы и хотящаго убо утаитися», не могуща же, трубы бо яснѣише чудеса оного оглашаху. Блажу аз *Великии Новѣград*, таковое свѣтило произнесши, от младенства шуяя миролюбных уклонившася части и десное добродѣтелем потекша течение.

Слово ГЦ: о Симеоне Дивногорце
(л. 250 об.)

Кто бо *Симеона* не вѣсть, града оного «стоящаго верху горы и хотящаго убо утаитися», не могуща же, трубы бо яснѣише чудеса того оглашаху. Блажу аз великии *Антиоховъ градъ*, таковое свѣтило произнесши, и *сосець онъ десный, такова мужа воздоивши, десный бо приемля, не касаешся лѣвою, являя яко от младенства шуяя миролюбныхъ уклонившася части, да десное добродѣтелемъ потечеть течение.*

Антония Римлянина, приплывшего в Новгород на камне, автор Слова уподобил Антонию Великому (по признаку тезоименитства) и одновременно — Мартиниану Кесарийскому (по сходству «чудесных мотивов»).⁶⁹ Как рассказывает житие Мартиниана, отшельник, живя на необитаемом острове, однажды спас отроковицу, тонувшую в море, а сам тотчас бросился в морскую пучину, ибо «не может жить сено вместе с огнем», но Бог послал ему дельфинов, которые вынесли его на сушу. Очевидно, именно этот сюжетный мотив «чудесного пересечения морской пучины» (на камне — Антонием, на дельфине — Мартинианом) и послужил основанием для уподобления Антония Римлянина палестинскому святому: «Каков же ли новии Мартиниан, не на плещу звѣреи морских прешед водное естество, но паче естества по водам на камени, яко на корабли легцы, по морю и по рѣкам противу быстрин неизреченных от великого града Рима в Великии Новѣград в третии день принесен бысть».

Уходу Антония из Рима Сергей Шелонин нашел библейское соответствие, уподобив его исходу Израиля из Египта. Причем в обоих случаях, по мысли автора Слова, беглецы «не токмо <...> горкия работы свобожавшя, но и с корыстию исхождаху»: израильтяне унесли с собой золото из Египта, а Антоний, опустив в море бочку со спрятанным в ней сокровищем, Божьим промыслом обрел его вновь в Новгороде.

Преподобного Савву, основателя монастыря на реке Вишере, одного из многочисленных русских столпников, автор Слова уподобил тезоименитому иерусалимскому киновиарху *Савве Освященному* и — по сходству подвига — антиохийскому столпнику *Симеону*, который в течение 47 лет подвизался на столпе — в дождь и зной и стужу, «взойдя на столп как на крест». Ср.:

Слово СШ: о Савве Вишерском
(с. 582)

Вѣм мужа *тезоименита Савве Священному*, на киждо день умирающа, и воздуха лютость, яко *колесницу* вмѣняюща, и самому Спасу страньствием поревновавша, и на столп восшедша яко на крест.

Слово ГЦ: о Симеоне Столпнике
(л. 245)

Вѣм мужа *Павлу и Или* подобна, на киждо день умирающа, и воздуха лютость, яко *лѣствицу* вмѣняюща, и самому Спасу страньствием поревновавша, и на столпъ возшедша яко на крестъ.

Прославляя еще одного новгородского чудотворца — Михаила Клопского (и, по-видимому, не найдя для него соответствующего агиотипа), Сергей Шелонин ограничился уподоблением его одному лишь «библейскому прототипу», в качестве которого избрал *пророка Аввакума*. Признаком для уподобления послужил один из «чудесных» мотивов в житии святого, сходный с эпизодом из жизни его «библейского прототипа». Однажды пророк Аввакум незримо перенесся в ров к пророку Даниилу, принеся ему пищу; подобным образом и Михаил Клопский «не в ровѣ, но в келии заключенѣ невидимо обрѣтесе, силою Святаго Духа».

Описание третьего духовного центра монашеской жизни на Руси — обители преподобного Сергия — автор Слова начинает с изображения ее создателя,

⁶⁹ Напомним, что ранее Мартиниан Кесарийский уже послужил агиотипом для киево-печерского затворника Исаакия Торопчанина.

прошедшего классический путь аскезы: через деятельные подвиги к высшим духовным состояниям. Он создает образ преподобного Сергия «по подобию» *Евфимия Великого* — знаменитого основателя нескольких монастырей *лаврского типа* в Палестине. Поэтому он изображает Сергия Радонежского прежде всего как «родоначальника многих обителей» и «отца многих пастырей». Одновременно с этим автор «Похвального слова» уподобляет преподобного Сергия (как пастыря «словесных овец») двум его «библейским прототипам» — патриарху-пастуху Иакову (библейскому «типу» родоначальника пастырского племени) и Иоанну Крестителю («прообразу» всех монахов).

Слово СШ: о Сергии Радонежском
(с. 583)

Кто же ли не вѣсть великое оно свѣтило — Сергия глаголю священнодушнаго, Крестителево житие имѣшаго <...>. Населитель пустыням и многим иноком отец, их же он порождает благочестием и воздержанием воспита; и не едину, но многи кинови созда, и тамо многи четы совокупль инок, пчелным сосудом мед добролѣтели устрои. <...> Колики свѣтила, якоже нѣкое небо, тоговы изнесоша кинови, колики учителя, колики пастыри. Воистинну праведныи Иаков же бѣ, и он словесным овцам отец з Богом.

Слово ГЦ: о Евфимии Великом
(л. 245—245 об.)

Кто же ли не вѣсть великое оно свѣтило, Евфимия глаголю священнодушнаго <...>.

Населитель пустыни и многимъ языкомъ отецъ, ихъ же порождаетъ благочестиемъ и воспитанъ воздержаниемъ; и не едину, но многия лавры создавъ, и тамо различны совокупль роды, пчельнымъ сосудомъ медь добролѣтели собирати устрои. <...> Колика свѣтила, якоже нѣкое небо, тоговы изнесоша лавры, колики учителя, колики пастыри. Иоаннъ бѣше единому роду иудейскому креститель, сей же — многимъ, ибо и Аравия и Армения, и Сирия и Персида Евфимия имяху крестителя.

Прославляя учеников и «собеседников» преподобного Сергия — Никона Радонежского, Савву Сторожевского, Стефана Махрицкого, Афанасия Высоцкого, Дмитрия Прилуцкого и других, автор Слова также уподобляет их различным «агиологическим и библейским образцам».

Для ученика преп. Сергия — Никона Радонежского — соловецкий писатель нашел «библейский прототип» в образе *Иисуса Оседекова*, который по возвращении иудеев из вавилонского плена основал Второй храм на месте разрушенного храма Соломона. Точно так же и Никон Радонежский восстановил жизнь в Сергиевом монастыре, разоренном после татарского набега: «агаряны попаленую церковь паки в похвалу своему отцу воздвизая прекрасну велми, и инок четы совокупляя, законы и предания отеческия тѣмъ предлагая».

Племянника Сергиева Феодора, игумена московского Симоновского монастыря, а впоследствии — архиепископа Ростовского, писатель изобразил «по подобию» палестинского киновиарха *Феоктиста* (сподвижника Евфимия Великого и учителя Саввы Освященного):

Слово СШ: о Федоре Симоновском
(с. 583)

Но и Феодора, анепсия Сергиева, кто не вѣсть, стрья своего подвиги подражавши, в малѣ и сего лхоимствовавши архиерейства помазанием.

Слово ГЦ: о Феоктисте
(л. 246)

Но и Феоктиста, Евфимиева сподвизника, кто не вѣсть, юныхъ премудраго обучителя и наказателя...

Двоицу «собеседников» Сергиевых — Стефана Махрицкого и Афанасия Высоцкого, основателей общежительных монастырей, он уподобил *по признаку*

парности палестинским киновиархам *Феоктисту и Феодосию*, а также (путем «скрытого замещения» агиотипа) — *Евфрату и Венедикту*. Последний из них — Бенедикт Нурсийский — был основателем общежительного монастыря в Монте-Кассино и автором знаменитого бенедиктинского устава.

Слово СШ: *о Стефане Махрицком и Афанасии Высоцком*
(с. 583)

Что ли Стефан чудный и Афонасии великий, двоица избранная чудодѣйственная и боговидная, ангелом сопричастная и Троицы любезная; ов убо восточная, ов же западная, яко свѣтила великая, озаряюще, юных премудрии обучители и наказатели, якоже древле Феоктист и Феодоси киновиарх...

Слово ГЦ: *о Ефрате и Венедикте*
(л. 250—250 об.)

Что же Ефратъ чудный и Венедиктъ великий, двоица избранная, чудодѣйственная и боговидная, ангеломъ сопричастная и Троицѣ любезная; овъ убо восточная, овъ же западная, яко свѣтила великая, озаряюща....

Среди «собеседников» Сергия автор Слова особенно выделяет Дмитрия Прилуцкого, стяжавшего такую любовь Божию, что лицо его сияло неземным светом. Этот свет преподобный скрывал, покрывая лицо свое куколем,⁷⁰ подобно тому как пророк Моисей — «библейский прототип» Дмитрия — накидывал на лицо свое покрывало, сходя с горы Синайской (Исх. 34: 29—35).⁷¹ «Когда человек растворит свою душу в любви Божией, — говорит об этом соловецкий писатель, — тогда и лицо его, как в некоем зеркале, отражает духовный свет». Дмитрия Прилуцкого он пишет «по образу» скитского отшельника Виссариона, «иже птичье житие имѣв», — с помощью «замещения» этого агиотипа в «Похвальном слове» Григория Цамблака.

Слово СШ: *о Дмитрии Прилуцком*
(с. 584)

Но и Дмитрия, Сергиева собесѣдника, кто не свѣсть, прывитающаго, яко птицу по горам, по пустыням, изволяя жити со звѣрми, неже со чловѣки во гресѣх пребывати. Новыи и Висарион, птичье житие имѣв, надеждоу будущи благ, но и в ненаселенной многажды пучинѣ влятися изволив, в пощени, яко Моисей на горѣ, лице душевное и тѣлесное имыи прославляе, показуюци внутрюду душевную чистоту...

Слово ГЦ: *о Виссарионе*
(л. 251 об.)

Что же Висарион, иже птичье житие имѣв, надеждоу питаем будущи, не токмо по пустыни, имущей иноки скитаяся, но и в ненаселенной многажды пучинѣ влаатися изволивъ, <...> отвѣщавая ко иже <...> въ монастырь внити молящимъ и причаститися трапезы, яко во истопления въпадохъ <...> и благородия моего отпадохъ, <...> и сего ради не возможно мнѣ под кровъ внити.

⁷⁰ Сергей Шелонин имеет в виду эпизод из жития Дмитрия Прилуцкого, повествующий о том, как некая знатная жена, зная о красоте преп. Дмитрия, пожелала увидеть его лицо, которое тот скрывал по своему целомудрию под куколем. Бесстыдно придя к его келии, она увидела через двери лицо преподобного, от которого ее осияла такая дивная светлость, что она пришла в трепет, осознавая свое прегрешение.

⁷¹ Сравнивая русского святого с пророком Моисеем на горе Синайской, Сергей Шелонин использует один из символов исихастского богословия, которым обозначается сверхчувственное откровение божественного света. Этот символ используют также Дионисий Ареопагит (в своем сочинении «О мистическом богословии», I, 3) и Максим Исповедник (в «Главах о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия»), говоря о высших мистических откровениях Божией благодати. Максим Исповедник говорит об этом, в частности, в 85-й главе первой сотницы: «Ока-

Еще один образец благодатного растворения в любви Божией представлен автором Слова в образе Павла Обнорского — ученика Сергия Радонежского. Павел Обнорский был великим любителем безмолвия: сводя ум в сердце, он пребывал в чистой молитве, созерцая славу Господню. Три года он прожил в дупле старой липы, согреваемый любовью Божией, делясь пищей с приходившими к нему лесными зверями. Изображая его, Сергей Шелонин уподобил его отшельнику *Иоанникию*, жившему на горе Олимп в окружении диких зверей: «Но и другии, Павлу тезоименитыи, по оному, себе весь распя. Весь Христови быв, со звѣрми живыи, якоже Олимбовы горы житель: ни покрова, ни храма имѣяше, но в утле древѣ, яко благопѣснивая птица на садовнѣ древѣ, молитвенныя пѣсни возсылаше к Богу; егоже звѣрие добродѣтели стыдяхуса, от лютости воздуха в зимнии год согрѣваху того».

Прославляя других севернорусских подвижников — Дионисия Глушицкого, Корнилия Комельского, Сергия Нуромского, автор «Похвального слова» также находит для них агиотипы в образах египетских отшельников: Питирима, Орсия, Сисоя и других, подвизавшихся в Нитрийской и Скитской пустынях. (Это уподобление очень точно соответствует закрепившемуся впоследствии наименованию края севернорусского подвижничества «Северной Фиваидой»).

Слово СШ: *о пустынниках Заволжья — «Северной Фиваиды»*
(с 584)

Велик во отцех *Нуромскии пастырь, тезоименитыи Сергию и собѣеидник тому быв, и Григорие, и Касиян, и Евфимии с Харитоном, и Антони со Амфилохием, и Пелшемскии Григорие с Дионисием Кратким досяжущем же небеса*, — ихже во всю землю изыде вѣщание исправления

Слово ГЦ: *об отшельниках Келлий и Скита*
(л 250)

Великъ во отцѣх *Питиримъ и Орсисий, Матой же и Сисой, Афресъ съ Исихием и Алоием, Еллидий и Елладий, и великий Васой съ Васианом* — ихже во всю землю изыде вѣщание исправления

Упомянутый здесь «Дионисий Краткий» (Дионисий Глушицкий) также имеет свой агиотип в Слове Григория Цамблака. Им является подвижник Скитской пустыни Иоанн Колов, прозванный так за свой малый рост (κολοβός по-гречески означает «коротышка») — тот самый, который по послушанию своему старцу поливал сухое дерево, и оно дало плоды (отчего и было названо «древом послушания»). Ср.:

Слово СШ: *о Дионисии Глушицком*
(с 584)

Дионисием Кратким, досяжущем же небеса

Слово ГЦ: *о Иоанне Колове*
(л 242 об)

и Иоанномъ, нареченнымъ Краткимъ, досяжущимъ же небеса

завшиися внутри божественного устройства, словно другой Моисей, постигает своей смертной природой Незримое. Благодаря этому он, запечатлев в самом себе красоту божественных добродетелей и уподобившись картине, точно передающей красоту Первообраза, спускается вниз, < > являя человеколюбивую и благожелательную сущность благодати, которой он сопричастует» (Максим Исповедник. Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия // Творения преподобного Максима Исповедника М., 1993 С. 231)

Авраамия Ростовского писатель уподобил его «библейскому прототипу» *Финеесу* (внуку первосвященника Аарона), пронзившему копьем израильтянина Заамврию, который посмел нарушить Закон Божий. Подобное духовное рвение обнаружил и преп. Авраамий — этот «новый Финеес», который жезлом, врученным ему св. Иоанном Богословом, сокрушил идола Велеса и тем самым пронзил самого дьявола.

Говоря о Кирилле Белозерском, Сергей Шелонин находит для него агиотип в образе *Пахомия Великого*, основателя первого общежительного монастыря в Египте, который, по преданию, самим ангелом Божиим был научен киновиальному образу жизни. Подобно ему и великий старец Кирилл, отец севернорусского общежительного монашества, по словам автора «Похвального слова», многие «тысячи (иноков) привел к Господу», «многи убо ревнителя быти научи, множайших же учителя показа».

Слово СШ: о Кирилле Белозерском
(с 584—585)

Что же ли Кирил священныи, Избавителевою Материю наставлен к постичеству?

Каков бяше сеи муж, и колики тысяща приведе Господеву! Колики свѣща вжег, коликих душ попечение имѣв < > Сеи многи убо ревнителя быти научи, множайших же учителя показа

Слово ГЦ: о Пахомии Великом
(л 241)

Что же Пахомии, емуже и одѣяние иноческое ангель пося показа являя, яко имже по разуму сие носящии, во ангельскомъ чинѣ причитаются Каковъ бяше сеи мужъ, колики тысящи приведе Господеву! Колики свѣщи вжегъ, коликихъ душ попечение имѣвъ < > Сеи многи убо ревнители быти научи, множайших же тоя учителя показа

«Святую двоицу» Макария Калязинского и Макария Унженского автор Слова изобразил по образцу двух других Макариев, подвизавшихся в египетской пустыне, — *Макария Великого* и его сподвижника *Макария Александрийского*, уподобив им русских святых по признаку парности и тезоименности.

Слово СШ: о Макарии Калязинском
и Макарии Унженском
(с 585)

Что же ли блаженства тезоименитыи Макарии? Довлеет от самого начальства житие мужа познати, понеже ни гроб, забвения ходатаи, тогову добродѣтели утаити возможе знаменьми и чудесею обогачься, трубы яснѣшии проповѣдает мужа добродѣтели Но и други каков, именем тому и жития свѣтлостию причастныи

Слово ГЦ о Макарии Египетском
и Макарии Александрийском
(л 244 об)

Что же ли блаженства тезоименитаго Макария? Довлѣеть от самого начала житие мужа познати, понеже ни облакъ свѣта, ниже столпъ огнении, но херувимъ того наставляше Но и други каковъ, тезоименень тому, и жития свѣтлости сопричастныи, емуже наче естественому стоянию, яко ангелу чудности удивившася та венисиоте

Переяславского столпника и преподобномученика Никиту, убитого грабителями, которые приняли его железные вериги за серебряные, Сергей Шелонин изобразил по образцу сразу четырех агиотипов. Он уподобил его (в приеме «замещения») агиотипа в тексте-«образце») исповеднику *Харитону*, основателю знаменитой Фаранской лавры в Палестине, и одновременно (с помощью приема *translatio nominis*) — египетскому подвижнику *Моисею Мурину*, который

был убит нападшими на его обитель варварами. В обоих случаях признаком для уподобления послужило сочетание в житиях всех трех названных святых различных путей святости («постничества и мученичества»).

Слово СШ: *о Никите Переяславском*
(с. 585)

Или кто не въсть *нового Моисея Ефиопа*, те-
зоименита побѣдителя бѣсом и тѣх прилог, —
Никиту глаголю, столпа непоколебимаго подви-
га, постничества и мученичества вѣнцем увязе-
на, во обоих добльствовавш...

Слово ГЦ: *о Харитоне*
(л. 241 об.)

Вѣм *полнаго благодати Харитона*, и муче-
ника и преподобна, и во обонхъ добльствовав-
ша и *искусна явльшася...*

Одновременно с этим он уподобил Никиту Переяславского *Даниилу и Алим-
тию Столпникам*, основываясь на общности пути их аскетических подвигов
(«столпничество»).

Слово СШ: *о Никите Переяславском*
(с. 585)

...восходом еже на столп, *яко на крест воз-*
шедши, благоразумному разбионику поревновав-
ша, показующа, яко к борению воздушных рат-
ник совлекся, и не на земли с ними сплется, но
паче он ко онѣх срѣтению возшед...

Слово ГЦ: *о Данииле и Алимтии Столпниках*
(л. 251²)

...восходомъ еже на столпъ показующе, яко
къ борению воздушныхъ ратникъ совлекошася,
и не на земли съ ними съплетешся, но паче тии
ко онѣхъ срѣтению возшедше...

В то же время, повествуя о преподобническом делании Никиты, соловецкий писатель изобразил его по «подобию» палестинского киновиарха *Феоктиста* (через «замещение» этого агиотипа в исходном тексте-«образце»).

Слово СШ: *о Никите Переяславском*
(с. 585)

Что не хотяше показати, в мужа свершена
доспѣв, и в пучину неизслѣдимыя премудрости
Божия вшед, и глубину разсужения стяжав, и
крѣпчаишим коснувся борбам, всяко премирен
нѣкни, а не земен глаголатися хотяше.

Слово ГЦ: *о Феоктисте*
(л. 246)

Что не хотяше показати, в мужъ совершен
доспѣв, и в пучину неизслѣдимыя премудрости
Божия вшедъ, и глубину разсуждения стяжавъ,
и крѣпчаишимъ коснувся борьбамъ, всяко
премирень нѣкни, а не земень въправду глаго-
латися хотяше.

Переходя к характеристике преподобных отцов пятого духовного центра русского монашества — Соловецкого монастыря, Сергей Шелонин также стремится найти для каждого из его основателей подходящие агиотипы. Первого соловецкого жителя — преподобного Германа, сподвижника Савватия и Зосимы в их пустынножизни на Соловках, Сергей Шелонин уподобляет (с помощью приема «замещения» агиотипа) жителю Святой горы Олимп *Иоанникию*, который «всегда предстоил Богу умом, и сердцем, и душою», вознося Ему «жертву хваления». (См. его известную молитву: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой: Троице Святая, слава Тебе».) Одновременно с этим «замещением» на Германа было перенесено и уподобление его *пророку Илии* (найденное в Слове Григория Цамблака для Иоанникия Олимпийского).

Слово СШ: *о Германе Соловецком*
(с. 585)

Но или не подобен Кармиленину оному Илии иже древнии Соловецкого отока вселник Герман? Кто поне умом тоговы добродѣтели изслѣдит: не колибу, не куцу, не хлѣвину имѣя, но мѣста от мѣст измѣнуя, и горам верси, яко горлица пустынешлюбная прелѣтая <...>. Герман же величеством горы множицею доволен бяше, Богови предстоя выну умом и душою и сердцем, жертвеник свое тѣло сотворив, в нем же жряше жертву хваления...

Слово ГЦ: *об Иоанникии Олимпийском*
(л. 250 об.—251)

Но ли не подобенъ Кармилянину оному Илии иже Олимбовы горы Иоанникий?.. Кто поне умомъ тоговы труды изслѣдитъ: не вертепъ, ни хлѣвину имѣя, но мѣста от мѣстъ измѣнуя, и горамъ верхи <...>.

Иоанникии же величествомъ горы доволенъ бяше, Богови предстоя всегда умомъ и душою и сердцемъ, жертвеникъ свое тѣло сотворивъ, в немъ же жряше жертву хваления...

Отшельника Савватия Соловецкого, прошедшего испытание киновиальной жизнью в Кирилловом и Валаамском монастырях, а затем ушедшего на Соловки ради «безмолвия», Сергей Шелонин уподобил египетскому безмолвнику Арсению Великому (который также, живя среди братии, услышал глас Божий: «Арсений, бегай людей, молчи и безмолвствуй»). «Убегая», подобно Арсению Великому, «молвы» киновиального монастыря, преподобный Савватий ушел на необитаемый Соловецкий остров, чтобы там наедине «беседовать с Богом». Так же как и в предыдущем случае, уподобление Савватия Арсению Великому было выполнено путем «замещения» агиотипа в тексте-«образце». Одновременно с этим на Савватия было перенесено и уподобление его праотцу Аврааму, который также ушел из земли родной и стал «отцом народов», т. е. монахов.⁷² Этот «библейский тип» наиболее точно отражает историческую роль Савватия как родоначальника соловецкого монашества.

Слово СШ: *о Савватии Соловецком*
(с. 585)

Вѣм нашего Авраама — не толико оставльша, елика древнии Авраам, и не от земли своея исшедша токмо, но и от самых чювств, и бывша наслѣдника, ради преселения, крайняго безмолвия — оной земли, юже Господь кротким обща; яко не иного, развѣ Саватия нарицати «устав и предѣл безмолвию», звание от дѣл приемша.

Слово ГЦ: *об Арсении Великом*
(л. 243—243 об.)

Вѣмъ и нашего Авраама — толико оставльша, елика ни древнии Авраамъ, и не от земли своея исшедша токмо, но и от самых чювствъ, и наслѣдника бывша, ради преселения, крайняго безмолвия — оной земли, юже кротким обща Господь; яко не иного, развѣ Арсения нарицати «уставка и предѣлъ безмолвию», звание от дѣлъ приемша.

Для основателя Соловецкого монастыря игумена Зосимы Сергей Шелонин избрал в качестве агиотипа Афанасия Афонского — основателя первой монашеской общины на горе Афон. «Уподобление» в данном случае происходит благодаря устойчивому представлению русского религиозного сознания о том, что Соловки — это и есть «Русский Афон».⁷³ Одновременно с этим Зосима уподоб-

⁷² Об Аврааме в Священном Писании говорится, что, однажды услышав глас Божий: «Изыди от земли твоя и от рода твоего и от дому отца твоего» (Быт. 12: 1), он покинул свое отечество и стал странником в земле чужой. Подобно ему и монахи не имеют своего «земного отечества», но живут «странниками» на этой земле. См.: Лурье В. М. Призвание Авраама... С. 56—57.

⁷³ Этот же «культурно-религиозный топос» (уподобления Соловецкого острова Афону) присутствует и в Каноне русским преподобным, где Савватий уподоблен Петру Афонскому, а Герман —

лен подвизавшемуся в Фиваиде *Аполлонию Египетскому*, о котором в Египетском патерике рассказывается, что однажды на Пасху, когда в обители оставалось совсем немного хлеба и соленых овощей, святые ангелы (под видом незнакомых людей) принесли братии множество всяческой снеди — винограда, орехов, смокв, фиников, гранат, яблок, молока, хлеба и меда. Подобным образом и соловецкому подвижнику, «в зимнее время <...> гладом стѣскнѣвасму <...>, чювствено ангелы, аки челоуѣческим видом преображшеса, пищу тому принесоша, хлѣб и муку и масло».

В то же время библейским «типом» для Зосимы избран великий «тайновидец» пророк *Моисей*, которому некогда на горе Синайской были явлены тайны Божии. Именно ему автор Слова уподобил соловецкого «тайновидца» Зосиму, которому Бог изливанием божественного света показал то место, где он должен построить церковь и основать монастырь.

Слово СШ: *о Зосиме Соловецком*
(с. 585—586)

Слышах на востоцѣ быти нарицаемая «блаженных островы» и приближитися ко иже во Едеме раю, и на западѣ — горы Афонския остров, онѣх блаженством превосходити; аз же вѣм на полунощи во окыястѣи пучинѣ Соловецкии оток, жителя имѣвша священнаго Зосиму — нового законодавца Моисия, таинам неизреченным видца, столпом огнезрачным, досягающим от земля до небеси, озаряема, назнаменующе мѣсто, идѣже киювиши здатися, и церковь превелию, якоже скинию, на воздухѣ висящу, идѣже еи подобно бѣ водрузитися.

Слово ГЦ: *об Афанасии Афонском*
(л. 251)

Слышахъ на востоцѣ быти нарицаемая «блаженных островы» и приближитися къ еже во Едемѣ раю. Но азъ вѣмъ горы Афонския, иже на западѣ островъ, онѣхъ блаженствомъ превосходити, жителя имѣвѣ Афанасия.

По этому же признаку — «откровения святому божественных тайн» — «тайнозритель» Александр Свирский был уподоблен в первоначальной редакции текста «тайнозрительно» *Михаилу Иорданскому*, а вместе с ним — и двум его новозаветным «прототипам»: *Иоанну Крестителю* и первомученику *Стефану*, которые так же, как и Александр Свирский, удостоились откровения Святой Троицы (Деян. 7: 55—56).⁷⁴

Слово СШ: *об Александре Свирском*
(с. 588)

...вѣм Александра, чудесем самодѣйстви-ка и великих откровении видца; жестокою ону юже об он пол великаго озера Онега и неутѣшимую пустыню жилище доволна лѣта имѣвшаго, в ней же и великое оно, и паче челоуѣка,

Слово ГЦ: *о Михаиле Иорданском*
(л. 251)

Вѣмъ и Михаила, чудесемъ самодѣйстви-ка и великихъ откровении видца, жестокою ону юже объ онъ поль Иордана и неутѣшимую пустыню жилище доволна лѣта имѣвшаго, в ней же и великое оно, и паче челоуѣка, видѣние узрѣ:

Афанасию Афонскому (песнь 4, троп. 3 и 6). Примечательно, что «топос» уподобления Соловецкого острова Афону существовал и ранее: еще в середине XVI в. инок Григорий Суздальский, создавая Канон новым русским чудотворцам («по образцу» Канона Федора Студита), «заместил» в соответствующем тропаре «Афонскую гору» «Соловецким островом», а «Петра Афонского» — «Зосимой и Савватием Соловецкими».

⁷⁴ О двух редакциях «Похвального слова русским преподобным» см.: Панченко О. В. Из археографических разысканий... С. 552—557.

видѣние узрѣ, отверзсту убо и свиваему небу, Иисусу же одесную Отца сѣдѣшу в присносущѣи и единосущѣи Отцу и Духу божества славъ же и власти, точно убо сие иже на крещении Господни Иоаннову и Стефанову видѣнию, понеже и тамо разводящимся небесем свѣдѣтельствоваше крещая его Отец, и на сроднаго Дух схождаше Стефанову же согласно *откровению*, превосходя же иная его видѣния, елико солнце звѣздная сияния

узрѣ отверзсту убо небу и свиваему, Иисусу же одесную Отца сѣдѣшу въ присносущѣи и единосущѣи Отцу и Духу божества славъ же и власти Точно убо сие иже на крещении Господни Иоаннову и Стефанову видѣнию, понеже и тамо разводящимся небесем, свѣдѣтельствоваше крещяемаго Отецъ, и на сроднаго Духъ схождаше Стефанову же согласно *утвержению*, превосходить же иная видѣния, елико солнце звѣздная сияния

Но во второй редакции «Похвального слова» Сергей Шелонин избрал для русского святого другой «библейский прототип», найденный им в образе праотца Авраама, который также был удостоен явления Святой Троицы: «вѣм Александра, чудесем самодѣиственика и великих откровении видца; <...> и великое оно, и паче чловѣка, видѣние узрѣ, якоже Авраам — в трех лицах Бога, чловѣческим образом пришедша к нему, и не Исака ново рождение благовѣстующу, но церкви во имя составнаго Божества водружения повелѣвающа...».

Закончив прославление соловецких святых, Сергей Шелонин с запозданием вспоминает еще о двух преподобных, одного из которых (Евфимия Суздальского) можно было бы отнести к числу собеседников Сергея Радонежского, а другого (Пафнутия Боровского) — к числу учеников Сергиевых учеников. Не найдя для первого из них агиотипа в «Похвальном слове» Григория Цамблака, он подбирает для него только «библейский прототип», именуя суздальского святого «новым Авраамом»: «Что же свѣтозарная звѣзда, *новыи Авраам*, — Евфимия глаголю благодушнаго, от востока на запад пришедша, и всю страну осиявшу чудес зарями, собѣсѣдника чудному Сергию, и того подвигом подражателя».

Образ Пафнутия Боровского писатель создает «по подобию» *Авксентия Византийскаго* (основателя обители на горе Острый Холм близ Халкидона), которому и уподобляет боровского игумена, используя прием «замещения» агиотипа.

Слово СШ: о Пафнутии Боровском
(с 588)

Вѣм Пафлотия, Боровскую красоту, на потоцѣхъ низ обитель сотворша, и число довольно ученик собравша, и сих учаща от низости земныя на небесную преселитися гору, еже и сохраниша блаженни От них же есть первыи и досточюдныи Иосиф

Слово ГЦ: о Авксентии
(л 251 об)

Вѣм Авксентия, Византийскую красоту, и на горѣхъ висоцѣхъ обитель сотворша, и число довольно ученикъ собравша от высоты земныя горы на небесную преселитися гору, еже и сохраниша блаженни От сих же первыи и досточюдныи Вендианъ

Прославление русских преподобных Сергей Шелонин завершает похвалой двум преподобным писателям — Иосифу Волоцкому и Максиму Греку. Для Иосифа, ревностно боровшегося с ересью «жидовствующих», он находит соответствие в обобщенном образе византийских писателей (Козьмы Маюмского, Иоанна Дамаскина, Иосифа Песнописца, Феофана и Феодора Начертанных), отстаивавших в борьбе с ересью иконоборцев догматы православной веры.

Слово СШ: *о Иосифе Волоцком*
(с. 588)

...достоюдныи Иосиф — цѣвница Духа и гусли духовныя, благочестию твердыи адамант; биющих нечестивых хулными словесы тои паче своими писании сокрушаше, свою же твердость православия вѣры непреложну храняше...

Слово ГЦ: *о Козьме Маюмском, Иоанне Дамаскине, Иосифе, Феофане Начертанном и Феодоре*
(л. 252)

Тоже цѣвница Духа и гусли церковныя Козма со Иоанномъ и со Иосифомъ, Феофаномъ же и Феодоромъ — пяторица похвальная, чювства дѣйственная благочестию, терпеливиы адаманти; биющихъ паче тии сокрушающе, свою твердость непреложно храняще...

Для Максима Грека автор «Похвального слова» нашел «агиологический образец» в лице тезоименитого ему *Максима Исповедника*, исходя из того, что оба они, претерпев от людей хулу и тюремное заточение, не утратили высокого дара *любви и словесного творчества*, что и послужило основанием для их уподобления. (О Максиме Греке сохранилось предание, что на стенах темницы он начертал созданный им Канон Святому Духу; а Максим Исповедник и в тюрьме продолжал писать «Главы о любви».) Еще одним агиотипом для Максима Грека соловецкий писатель назвал *Григория Богослова*.

Слово СШ: *о Максиме Греке*
(с. 588)

Что же богословеснѣишии Максим, *емуже порекло от своего отечества Грек, новыи Богослов, остая токмо священства помазания*, истинныя любве дѣлатель и учитель, и на самыи тоя верх доспѣвыи, и в Бозѣ быв, Бог бо любы есть.

Слово ГЦ: *о Максиме Исповеднике*
(л. 251 об.)

Что же богословеснѣишии Максим и истинныя любве дѣлатель, и на самыи тоя доспѣвыи, и в Бозѣ бывъ, Богъ бо любовь есть.

Завершая «Похвальное слово преподобным отцам, иже в России в poste просиявшим», Сергей Шелонин присоединил к чину «преподобных» представителей другого — святительского — «чина», справедливо полагая, что русские святители наряду с их пастырским служением достигли духовных вершин и в исполнении ими «постнического делания».

Для трех святителей московских Петра, Алексея и Ионы соловецкий писатель избрал в качестве агиотипа «троицу» вселенских святителей — *Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста*.

Слово СШ: *о святителях Московских*
Петре, Алексее и Ионе
(с. 588—589)

Что же пребожественыя Троица великия трубы, евангельския вѣтия, иже, по дванадесятих, трие апостолю?

Петр убо...
Алексие же...
Иона же...

Слово ГЦ: *о Василии Великом,*
Григории Богослове
и Иоанне Златоусте
(л. 252 об.)

Что же пребожественыя Троици великия трубы, евангельстии витии, иже по дванадесятихъ, трие апостолю?

Василий бо...
Григорий же...
Иоаннова же уста...

При этом и для каждого из них в отдельности он также нашел соответствующие «агиологические и библейские образцы». Митрополита Петра он упо-

добил апостолу *Петру* (по тезоименитству): «Петр убо, тезоименитыи верховному, воистинну камень вѣре, и утвержение всея Росии церквам». Для митрополита Алексея он нашел агиотип в лице апостола *Павла* (по признаку «богозванности»): «Алексие же, доблественныи помощник и ходатаи непреложныи, якоже Павел — не от человекъ, но от самого Бога звание свыше прием...». Наконец, для митрополита Ионы Сергей Шелонин подобрал «библейский тип» голубя,⁷⁵ выпущенного Ноем из ковчега: «Иона же — „голубь“ в лѣпоту именовася: безтрудно, якоже ис ковчега, от царствующаго града Москвы прелѣтѣвыи морскую пучину до Царствующаго града и тамо архиереиства саном хиротонисася <...>. Возвращая же ся ко отечеству, яко голубь к Ною в ковчег, не потопа воды умаление благовѣствуя, но потопа еретическия прелести; не сучець маслин во устѣх нося, но вѣры благочестия в трипостасное Божество предание непоколѣбимо». (Прекрасный образец «постбиблейской» типологии, развернутой в «пространстве» истории Святой Руси. Тип «голубя» в данном случае связан не с традиционным анти типом Христа, а с анти типом Ионы, чье имя в переводе с древнееврейского означает «голубь».)⁷⁶

Епископа Иоанна Новгородского соловецкий писатель уподобил синайскому подвижнику *Георгию Арселаиту*, который однажды на Пасху во мгновение ока оказался в Иерусалиме в церкви Воскресения Христова. Основанием для уподобления в этом случае послужил мотив «чудесного путешествия в Иерусалим», хотя, в отличие от синайского подвижника, епископ Иоанн совершил свое путешествие верхом на бесе.

Слово СШ: об архиепископе
Иоанне Новгородском
(с. 589)

Чтоже вторыи Арселаит — *Иванна глаголю, преименованнаго Илью: не помыслив токмо, но чювственѣ на дивола, яко на уготован конь, всѣд, и в единой ноци обрѣтеся во Иерусалимѣ во святѣм Воскресѣнии...*

Слово ГЦ: о Георгии Арселаите
(л. 250)

Чтоже вторыи *Авакум*, Георгий глаголю Арселаитѣ, иже абие помысливѣ, и абие обрѣтеся во святомъ Воскресении, въ вечерѣ царственныя суботы, и паки въ мегновении во своей обрѣтеся къбли, кромѣ познания и труда.

Для большей части русских святителей, упомянутых в «Похвальном слове», Сергей Шелонин не стал подбирать «агиологические образцы», ограничившись только «библейскими образцами», среди которых закономерно преобладают апостольские типы (свидетельствующие о равноапостольском подвиге прославляемых святых).

Так, например, епископа Леонтия Ростовского он уподобил апостолам *Матфею* и *Павлу*. Оба эти уподобления основаны на сходстве выпавших на долю Леонтия испытаний и на равенстве его подвига апостольскому: «Каков же и Леонтье, Богом послан в Ростов — *якоже Матфею* в человекоядцы — в звѣроядцы, <...> чрево бога имущим и бѣсом жертву приносящим. Претерпѣ же и

⁷⁵ Напомним, что библейскими типами могли быть и образы животных в Ветхом Завете (см.: O h l y F. Typologie als Denkform... S. 31—32).

⁷⁶ О предложенном Ф. Оли понятии «постбиблейской» типологии см. выше.

той от них, *якоже Павел*, каменное метание и изгнание множицею, <...> и апостольским дарованием сподоблен бысть, и по смерти нетлѣнием тѣла почтѣся».

Новгородского епископа Никиту он уподобил пророку *Моисею*, а святых архиереев, чудесным образом собравшихся на освящение Богородичной церкви в Печерском монастыре,⁷⁷ — святым *апостолам*, которые таким же чудесным образом были перенесены ангелами ко гробу Пресвятой Богородицы в день ее усупения.

Для Стефана Пермского автор Слова избрал в качестве агиотипа образ преподобного *Варлаама*, просветителя Индии (известного по «Повести о Варлааме и Иоасафе»), и одновременно — образ апостола *Фомы*, послуживший для пермского святителя его новозаветным прототипом.

Слово СШ: о Стефане Пермском
(с. 590)

Чтоже ли чюдныи Стефан, добрыи приемаства вънец, иже не токмо постническим дѣланием и священства помазанием доволен бысть, но к сему и апостольское приложи: якоже вторыи Фома являся Пермьской странѣ, и неудобъ уловляемая чловѣки, ради богатства и славы земныя, премудро уловив и отложением временнаго царства вѣчное тѣм исходатаив царство.

Слово ГЦ: о Варлааме
(л. 251²—251² об.)

Чтоже ли чюдныи онъ Варлаамъ, иже не токмо постническимъ дѣланиемъ доволенъ бысть, но к сему и апостольское приложи: вторыи Фома являся Индейской странѣ, и неудобъ уловляемая чловѣки, ради богатства и славы земныя, премудро уловивъ, и отложениемъ временнаго царства вѣчное тѣмъ исходатаивъ царство.

Для другого ревностного защитника православия архиепископа Геннадия Новгородского соловецкий писатель подобрал целый ряд «библейских типов» (Самуила, Гедеона, Иисуса Навина, пророка Илию), отличающихся таким же духовным рвением, как и прославляемый им святой: «Обрѣтаю студных жерцов от *Илии* закалаемых, и *Агата* — от *Самоила* мечем умерщвляема, и сатанина первенца сквернаго жерца *Алексѣя* — от крѣпкаго слова премудрости *Геннадиевы* закалаема и умерщвляема...».

Новгородского архиепископа Евфимия II, известного своей заботой о прославлении русских святых и о создании их житий, служб и похвальных слов, Сергей Шелонин уподобил (вероятно, благодаря дару красноречия) святителю *Иоанну Златоусту*.

Слово СШ: об архиепископе
Евфимии Новгородском
(с. 590)

Евфимиева же уста медоточныя источиша рѣки учения, згорѣвшая грѣхи напоиша сердца, превзыде бо Моисеову пѣснь припѣваньми, и ликования Мариамина баснена вѣнчашася, и нарекошася Орфеова неупѣшна и непозелна пѣснопѣнья.

Слово ГЦ: об Иоанне Златоусте
(л. 252 об.)

Иоаннова же уста медоточныя, источивша рѣки, съгорѣвшая грѣхи напоиша сердца.

⁷⁷ Сергей Шелонин называет имена святителей, прибывших на освящение Печерской церкви: митрополит Иоанн Киевский, Исаия Ростовский, Иоанн Черниговский, Антоний Юрьевский, Лука Белгородский (ср.: Киево-Печерский патерик. С. 314).

Этот же агиотип был избран соловецким писателем и для митрополита Филиппа Московского. Автор Слова уподобил его *Иоанну Златоусту* — по сходству подвига страданий обоих святителей за слово истины и их исповеднической кончины. Одновременно с этим Сергей Шелонин уподобил московского исповедника тезоименитому ему апостолу *Филиппу*: «Иже Филиппа апостола почтен именем, и престолом, и страданием, свое отечество освятив своею кровию, о паствѣ своей усердно излия, якоже другии Златоуст, возрази того ярость, обличи неистовство. Что же за сие обличие приемлет? Не якоже Амбросии — почесть от царя, но якоже Златоуст — с престола несправедное изгнание, и заточение, и смерти томление». (Сергей Шелонин сравнивает здесь обоих святителей с епископом Амвросием Медиоланским, который столь же смело обличал императора Феодосия Великого и даже подверг его отлучению от церкви, но был только удостоен почестей от благоразумного императора.)

Священномученика патриарха Гермогена Сергей Шелонин уподобил двум другим мученикам за веру — *Стефану Освященному*, защитнику почитания святых икон, и 90-летнему священнику *Елеазару*, учителю братьев-мучеников Макавеев.⁷⁸

Слово СШ: о патриархе Гермогене
(с. 591)

Чтоже ли новии Елиозар, якоже другаго сквернаго Антиоха, посрамив римския ереси предстатели? <...> Не в пустѣ бо мѣсте постничествуя и ко лвом сопротивоборство творяше; но в царствующем градѣ, яко ко лвом, лютѣ рыкающим на православие, расхитити тщащимся, римския ереси предстателем ополчашеся доблественѣ...

Слово ГЦ: о Стефане Освященном
(л. 251об.—251²)

Но и Стефанъ Священныи <...> свое отечество освяти своею кровию <...> новии Елиозар, якоже другаго Антиоха посрамив, сквернаго Копронима.

Как видно из анализа системы уподоблений в «Похвальном слове русским преподобным», соловецкий писатель, как правило, сочетал оба способа уподобления: невербального (с помощью «замещения агиотипа») и вербального уподобления героя избранному им «агиологическому образцу». Впрочем, иногда он намеренно «скрывал» от читателя образ, послуживший ему агиотипом, предлагая ему только «библейский прототип» прославляемого им героя.

Завершая анализ «Похвального слова русским преподобным», отметим, что исследованный нами принцип уподобления героев их агиологическим и биб-

⁷⁸ Вместе с патриархом Гермогеном (канонизированным Русской Церковью только в 1912 г.) Сергей Шелонин включил в свое сочинение также образы двух греческих святителей — Марка Ефесского и Григория Паламу (в образе грозной «секиры ересям»). Вместе с патриархом Гермогеном эта «троица святителей» представляет в «Похвальном слове» Сергея Шелонина группу святых защитников православия, отстаивавших — пред лицом латинской экспансии — догматы православной веры.

лейским «образцам» является, по-видимому, основным методом литературного творчества Сергия Шелонина, для которого характерно установление «подобий» между событиями отечественной и священной истории, между русскими святыми и великими подвижниками древности.

В заключение приведем таблицу скрытых и явных уподоблений в «Похвальном слове» Сергия Шелонина.

В таблице отражены следующие сведения: 1) кто уподоблен, 2) кому уподоблен (указываются непосредственный агиотип и библейский тип), 3) является ли уподобление агиотипу скрытым или явным, 4) по какому признаку произведено уподобление агиотипу или библейскому «образцу».

Таблица 2

Скрытые и явные уподобления в «Похвальном слове русским преподобным» Сергия Шелонина

Имя русского святого в Слове Сергия Шелонина	Его вербальный образец: агиотип или библейский тип	Его скрытый агиотип в Слове Григория Цамблака	Признак, по которому произведено уподобление агиотипу (или библейскому типу)
Антоний Печерский	Антоний Великий, праотец Авраам, пророк Моисей, пророки Исайя и Гедеон	Антоний Великий	по имени, по типу подвига (отшельник) и по исторической значимости (отец монашества)
Василий-Варлаам	Аммон Нитрийский	Аммон Нитрийский	по сходству подвига (в супружестве сохранял целомудрие)
Моисей Угрин	Иосиф Прекрасный и Сампсон; Павел Фивейский и мученица Потамия		по сходству подвига и духовного дара (страдания ради целомудрия и чистоты)
Исаакий Пещерник	Исаак Сириянин, преп. Мартиниан и пророк Азария	Павел Фивейский	по имени, по типу подвига (пещерники) и по сходству сюжетных мотивов, связанных с «попранием» огня босыми ногами
Феодосий Печерский		Иларион Великий, Феодосий Великий	по признаку «ученичества» (ученик преп. Антония) по имени, по кинувийному пути монашеской жизни и по исторической значимости (первоначальники общежительного монашества)
Евстратий Постник		Харитон	по сочетанию двух путей христианского подвига (мученического и преподобнического)
Афанасий	Георгий Хоривит		по сходству духовного подвига
Кукша		Григорий Неокесарийский	по сходству чудотворений

Продолжение таблицы 2

Ученики и сподвижники Феодосия Печерского Матфей, Никон, Онисифор, Дамиан, Герасим, Иларион, Ефрем, Герман, Стефан, Нифонт, Марин, Мина, Никола, Феоктист, Лаврентий		ученики и сподвижники Антония Великого. Аннин, Паламон, Питирим и Памва, Нин, Иоанн Колобос	по признаку «ученичества»
Феofil Многослезный	Арсений Великий	Ефрем Сирийский	по сходству духовного подвига (деланию плача)
Спиридон Просвирник	Спиридон Тримифунский, Петр Севастийский и безымянный синаяский столпник		по имени и по сходству сюжетных мотивов, связанных с укрощением стихии огня
Алимпий-иконописец	пророк Елисей	Даниил Скитский (целитель)	по сходству духовного дара (целители)
Агапит Целитель	Антоний Великий		каждый из них скрывает «живущую в нем благодать»
Никола Святоша	Исидор Синаит, пророк Илия		по знатности рода и по сходству добродетелей (смирение)
Григорий Печерский чудотворец	Григорий Неокесарийский и Исаакий Далматский		по имени и дару прозорливости
Марк Пещерник	евангелист Марк		по имени
Иоанн Затворник	пророк Иона		по сходству испытаний (Иоанн в устах змия уподоблен Ионе во чреве китове)
Прохор Лебедник	Виссарион и пророк Моисей	Виссарион	по сходству дара чудотворений
Пимен Печерский	Авсидитин и Вениамин Скитский		по сходству духовного подвига (через принятие болезней)
Варлаам Хутынский	пророк Илия	Симеон Дивногорец	по сходству чудотворений
Антоний Римлянин	Антоний Великий и Мартиниан Кесарийский		по имени и по сходству сюжетных мотивов («чудесного пересечения морской пучины»)
Савва Вишерский		Савва Освященный и Симеон Столпник	по имени и по сходству подвига (столпники)
Михаил Клопский	пророк Аввакум		по сходству «чудесных» мотивов
Сергий Радонежский	Иоанн Креститель и праотец Иаков	Евфимий Великий	по сходству духовного пути (киновиархи) и по признаку «родоначальник пастырского племени»
Никон Радонежский	Иисус Оседков		по сходству дел (восстановители разрушенного храма)
Феодор Симоновский		Феоктист киновиарх	по сходству духовного пути (киновиархи)

Стефан Махрицкий и Афанасий Высоцкий	Феоктист и Феодосий киновиархи	Ефрат и Венедикт	по парности и сходству духовного пути (основатели кино-вий)
Димитрий Прилуцкий	Виссарион и пророк Моисей на горе Синайской	Виссарион	по сходству духовного дела-ния (постники) и духовным дарам (богосозерцание)
Павел Обнорский	апостол Павел и Иоанникий Олимпийский		по имени и по образу жизни: «со звѣрми живыи»
«северная Фиваида»: Сергей Нуромский, Григорий и Кассиан Авнежские, Евфимий и Харитон Сянжемские, Антоний Сийский, Григорий Пельшемский, Дионисий и Амфилохий Глушицкие		египетские пустынники: Питирим и Орсисий, Матой и Сисой, Афрес с Исихием и Алонием, Елпидий и Елладий, и великий Васой с Васианом	по сходству духовного пути (пустынники)
Дионисий Краткий		Иоанн Колов («Краткий»)	по характерному признаку: низкий ростом (но высокий духом)
Авраамий Ростовский	Финесс		по духовному рвеню
Кирилл Белозерский		Пахомий Великий	по духовной значимости: киновиарх, отец многих пас-тырей
Макарий Калязинский и Макарий Унженский	пророк Моисей	Макарий Великий и Макарий Египетский	по имени и по парности
Никита Переяславский	Моисей Мурин	Харитон и Феоктист, а также Даниил и Алимпий Столпники	по сочетанию духовных путей (мученика и преподобного) и по типу святости (столпники)
Герман Соловецкий	пророк Илия Кармилянин	Иоанникий Олимпийский	по сходству духовного пути (отшельники)
Савватий Соловецкий	праотец Авраам	Арсений Великий	по сходству духовного пути (отшельники)
Зосима	пророк Моисей и Аполлоний Египетский	Афанасий Афонский	по признаку духовно-топографическому (Соловки — Афон), по сходству «чудесных» мотивов и по признаку духовных даров («тайнозрители»)
Александр Свирский	Иоанн Креститель и первомученик Стефан (в I ред.), праотец Авраам (во II ред.)	Михаил Иорданский	по признаку духовных даров (тайнозрители, удостоенные явления Пресвятой Троицы)
Евфимий Суздальский	праотец Авраам		по признаку духовного странничества
Пафнутий Боровский		Авксентий Византийский	по сходству духовного пути (киновиархи)

Окончание таблицы 2

Иосиф Волоцкий		писатели-иконопочитатели: Козьма Маюмский, Иоанн Дамаскин, Иосиф, Феодор и Феофан Начертанный	по духовному служению (писатели — защитники догматов православной веры)
Максим Грек	Максим Исповедник и Григорий Богослов	Максим Исповедник	по дару слов и любви
митрополиты Петр, Алексей и Иона		Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст	по признаку «собора трех святителей»
митрополит Петр	апостол Петр		по имени
митрополит Алексей	апостол Павел		по признаку «богозванности»
митрополит Алексей	«голубь»		этимологизация имени
епископ Иоанн Новгородский	Георгий Арселаит	Георгий Арселаит	по сходству сюжетных мотивов (чудесного путешествия в Иерусалим)
епископ Никита Новгородский	пророк Моисей		по сходству служения (духовный вождь народа)
архиереи «Киево-Печерского патерика»	апостолы		по сходству чудесных мотивов
епископ Леонтий Ростовский	апостолы Матфей и Павел		по сходству испытаний и равенству подвига (апостол язычников)
епископ Стефан Пермский	апостол Фома	Варлаам	по равенству подвига (апостол язычников)
архиепископ Геннадий Новгородский	пророки Илия, Самуил, Гедеон и Иисус Навин		по сходству духовного рвения
архиепископ Евфимий Новгородский	пророк Моисей	Иоанн Златоуст	по дару служения слову
митрополит Филипп	апостол Филипп и Иоанн Златоуст		по имени, святительскому сану и подвигу страдания за слово истины
патриарх Гермоген	Елеазар, учитель братьев Маккавеев	Стефан Освященный	по сходству мученического подвига

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотренный в этой статье принцип уподобления героев их агйотипам был представлен во всех жанрах древнерусской литературы, посвященных прославлению святости, — в агиографии, эпидейктике, гимнографии. Отдельные приемы «уподоблений»: «скрытое замечание» агйотипа, сравнение с ним, «перенесение» его имени, развернутое сопоставление с ним (*синкрисис*), уподобление героя «библейскому образу» — являются лишь конкретными проявлениями единого «типологического» метода, который может быть охарактеризован как метод изобретения (в смысле *inventio*) «агиологических типов» и создания их литературных «подобий». Но, что еще важнее, «типологический» метод является, по-видимому, одним из ос-

новых методов в агиологии вообще, включая как литературное, так и изобразительное творчество.

Однако «типологический» метод не ограничивается рамками одной только древнерусской литературы. Он широко представлен и в творчестве многих русских писателей XVIII—XX вв.: А. Н. Радищева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. М. Ремизова и др. Создавая литературные образы своих героев, писатели нового времени (так же, как и древнерусские авторы) нередко ориентировались на конкретные «агиологические» и «библейские образцы», которые служат для их читателей своеобразным «ключом» к пониманию художественного замысла автора.⁷⁹

⁷⁹ Вот неполный список работ, посвященных исследованию библейских и агиологических прототипов главных героев в произведениях русских классиков XVIII—XX вв. Травников С Н 1) Традиции агиографической литературы в повестях А Н Радищева // Литература Древней Руси М, 1978 Вып 2 С 74—84, 2) Древнерусские литературные источники в произведениях А Н Радищева // Там же М, 1981 Вып 3 С 110—116, Гольденберг А Х «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция // Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX—начала XX в Горький, 1981 С 111—118, Ветловская В Е 1) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» («Житие Алексея человека Божия и народный стих о нем») // Достоевский и русские писатели Традиции Новаторство Мастерство М, 1971 С 325—354, 2) Достоевский и поэтический мир Древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // ТОДРЛ, Л, 1974 Т 28 С 296—307, 3) Поэтика романа «Братья Карамазовы» Л, 1977 С 168—192, Смирнов И П Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы Л, 1979 С 212—220, Сальвестрони С Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского СПб, 2001, Чередникова М П Древнерусские источники повести Н С Лескова «Очарованный странник» // ТОДРЛ Л, 1977 Т 32 С 361—369, Водолазкин Е Г Образ Серафима Саровского в «Запечатленном ангеле» Лескова // РЛ 1997 № 3 С 136—141, Petnev R L Tolstojs «Vater Sergij» und die russischen Heiligenleben // Zeitschrift für slavische Philologie Leipzig, 1933 Bd 10 S 106—125, Купреянова Е Н 1) Мотивы народного эпоса и древней литературы в произведениях Л Н Толстого // РЛ 1963 № 2 С 167—168, 2) Эстетика Л Н Толстого М, Л, 1966 С 282—285, Pope R On the Comparative Literary Analysis of the Patericon Stoty (Translated and Original) in the Pre-Mongol Period // Canadian Contributions to the VIII International Congress of Slavists Ottawa, 1978 P 1—23, Alissandratos J Leo Tolstoy's «Father Sergius» and the Russian Hagiographical Tradition // Cyrillo-methodianum Thessalonique, 1984—1985 N 8—9 P 149—163, Chester P Hagiography in the prose of Tolstoy and Leskov // Tolstoy Studies Journal 1988 Vol 1 P 35—46, Гродецкая А Г 1) Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (житие блудниц и любодеец и сюжетная линия главной героини романа) // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 433—445, 2) Ответы предания жития святых в духовном поиске Льва Толстого СПб, 2000, Грачева А М Апокалипсисы Алексея Ремизова («Пятая язва» и «Плачущая канава») // Ремизов А М Собр соч М, 2001 Т 4 С 499—510